

18+

АУРЛИЙСКИЙ ЦИКЛ

КНИГА 5

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

ЛЕБЕДЕВ К. А.

Константин Лебедев

**Аурлийский цикл.
Книга 5. Последний шанс**

«Издательские решения»

Лебедев К.

Аурлийский цикл. Книга 5. Последний шанс / К. Лебедев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628886-7

Обретя силу праотцов, Итан Кэрил готовится столкнуться лицом к лицу не только с эмиссаром хаоса, но и с собственными демонами. Возвратившийся в Корпакс консул стремится взять в свои руки всю власть Империи. Превратившийся в его тень аурлиец жаждет свершить свою месть. Бывший экипаж «Отчаяния» и примкнувшие к ним товарищи делают все, чтобы остановить вторжение порождений тьмы. Объединенные силы порядка вступают в последнюю битву, ставкой в которой является само право на существование жизни.

ISBN 978-5-00-628886-7

© Лебедев К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1.	13
Глава 2.	23
Глава 3.	30
Глава 4.	34
Глава 5.	40
Глава 6.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Аурлийский цикл. Книга 5. Последний шанс

Константин Лебедев

Корректор Анна Асонова

© Константин Лебедев, 2024

ISBN 978-5-0062-8886-7 (т. 5)

ISBN 978-5-0056-2426-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Император неторопливо поднимался по бесконечным ступеням Башни Бури. Владение половиной земель и душ этого мира не освобождало его от простых мирских трудностей. С каждым новым витком лестницы мышцы ног ощущали разгорающееся в них тепло. Сатор любил визиты к жрецам. Каждый месяц он стирал свои сандалии на этом непростом пути, но это было единственное время, когда он мог хоть и ненадолго, но все же сбросить с плеч бремя правления.

Ежемесячная встреча с верховным жрецом была древней традицией, преследовавшей многие поколения императоров. Единение духовной и светской жизни даровало подданным империи веру в лучшее будущее. Между тем Сатор не терял возможности испросить у служителя стихии о личной просьбе. Ни один его подъем к грозным вершинам не обходился без мольбы о появлении наследника.

Молния разрежала небо метрах в тридцати от лестницы, окружавшей башню. Никаких перил и ограждений здесь, разумеется, не было. Не раз случалось такое, что слабый духом падал в пропасть, так и не добравшись до вершины. Сейчас Сатор даже не вздрогнул, но он хорошо помнил свой первый подъем во время обряда инициации. Тогда ему казалось, что он ни за что не сможет взобраться так высоко, а бьющие молнии обязательно угодят прямо в него, превратив будущего правителя в горстку пепла.

В отличие от консула Клетиса, император предпочитал сохранять на своей голове часть растительности. Выбритые боковины черепа окружали островок густых темных волос, переходящих в косу, свисающую за спиной. Густые брови создавали на его лице ощущение излишней строгости, а каждая черта лица была словно высечена из камня.

Император остановился, чтобы слегка перевести дух и подошел к самому краю лестницы. Сильный поток ветра охватил его тело, но то осталось неподвижным. Внизу раскинулся его город. Он чувствовал, что тот будет принадлежать ему еще с самого детства, но никогда в это по-настоящему не верил. Сатор сомневался в этом, даже когда повел за собой мятежников, а очутившись на троне, сперва несколько растерялся, не зная, что ему делать и как поступать. Тем более не знал, каким правителем он хочет стать.

Далеко внизу, подобно обитателям гигантского муравейника, копошились сотни тысяч существ. Каждый из них был чем-то обременен, чему-то радовался и, без всяких сомнений, считал свое существование особенным, а свою жизнь бесценной. Будь то лант, ялг, хорт или любой другой представитель империи, он верил в собственную значимость и уникальность. Все они были убеждены в несокрушимости той империи, что собрала их под своими знаменами, и Сатор мечтал о том, чтобы хотя бы на мгновение разделить с ними их веру.

Раскинувшийся у его ног город напоминал оставшийся от некогда величественного древа пень. Пусть это сравнение и не льстило Корпаксу, оно все же как нельзя лучше подходило для его описания. словно символизирующие возраст круги на древесном срезе, линии городских стен так же отражали эпохи развития имперской столицы.

Все началось там, где сейчас стоял Сатор. Первый камень, заложенный в основание Башни Бури, ознаменовал начало великой экспансии. Именно линия Публия стала сердцем, запустившим имперскую кровь практически во все уголки континента. Вобрав в себя жителей из числа покоренных народов, город стал разрастаться, и новые стены очертили границы вокруг линии Аквиния.

Тяжелая война с гномами, орками и эльфами унесла множество жизней, на какое-то время избавив императоров от необходимости расширения Корпакса. Шли столетия, и крупные кровопролитные войны канули в историю. Лишь появившийся в южных землях враг продолжал пить имперскую кровь. Появление линии Тибериуса произошло само по себе. Предста-

вители всевозможных народов попросту тянулись к столице не только как к экономическому центру, но и как к месту реализации возможностей. Стремительно обраставший пригородами Корпакс почувствовал необходимость очертить свои новые границы.

Аналогичная история произошла и с самой большой линией Децима. Позднее, желая утихомирить беспорядки, императоры прошлого издали эдикт, очерчивающий границы расселения. Отныне каждый народ мог проживать лишь на строго отведенной ему территории. В первую очередь этот шаг был направлен на локализацию тяжело поддающихся контролю диарков в одной области обитания.

Годы мира способствовали увеличению населения, и уже сейчас в городе становилось тесновато. В начале своего правления Сатор даже не исключал возможности, что его именем будет называться новый уровень стен, но вторжение хаоса внесло свои коррективы. Теперь задачей императора было сохранить для всех этих домов жизни их хозяев.

Имперец сильно устал. Он уже давно бы с радостью отказался от своего титула, но прекрасно понимал, что делать этого не стоит. Любой соперник, пришедший к власти, первым делом посчитал бы своим долгом расправиться с тем, кто в случае чего может стать знаменем, вокруг которого соберутся его оппоненты. О судьбе своей семьи при таком исходе император иллюзий не питал. За свою собственную жизнь Сатор не переживал, но у него была жена, которой он не мог позволить разделить с ним столь печальную участь.

Других родственников у императора не имелось. Родители были казнены по приказу предыдущего императора по вымышленному обвинению в заговоре. Обвинение действительно было безосновательным, но злая ирония судьбы привела к тому, что именно дитя несправедливо осужденных имперцев устроило по-настоящему страшный мятеж, перевернувший страну с ног на голову.

Сатору действительно необходим был наследник. Особенно сейчас, когда пришли новости о возвращении опального консула. Он чувствовал, как власть, подобно песку, просачивается сквозь его пальцы и подхватывается более умелыми руками. Императору нравился Клетис. Тот был истинным воплощением пороков и добродетелей его народа. Сатор же, отомстив за убийство семьи, стал слишком мягок и безучастен ко многим вопросам, требующим жесткости.

Император сожалел о печальной участи тех, кто волею судеб оказывался облечен властью. Сатор с теплой болью в сердце вспоминал те времена, когда он вместе с Клетисом и Морусом мечтал изменить существующий порядок. Если бы тогда кто-нибудь посмел сказать ему, что соратники, которым он, без сомнений, доверяет свою спину, в будущем превратятся в главную угрозу его правлению, он не колеблясь назвал бы глупца безумцем.

Каждый из народов обладал своим проклятьем. У лантов это была врожденная память предков, а у имперцев – непреодолимая жажда власти и насыщения собственных амбиций. Сатор был убежден, что тоже свойство, что позволило его народу покорить весь мир, рано или поздно приведет империю к гибели. Он ненавидел себя за то, что не мог довериться собственным друзьям, несмотря на то, что основания для подозрений у него, несомненно, были.

Рассудительного Моруса император всегда оценивал как наибольшую из угроз. В отличие от читаемого словно открытая книга Клетиса, тот потрясающе умел скрывать свои истинные замыслы. Именно по этой причине Сатор предпочел выдворить столь опасного союзника из столицы, поручив тому почетную обязанность оберегать спокойствие империи от набегов роя. Император прогадал, недооценив упорство и непоколебимую веру в собственное предназначение, что излучал Клетис.

Очередная молния заставила Сатора выйти из оцепенения. Имперец еще несколько секунд наслаждался буйством стихии, прежде чем продолжить подъем. Останавливаться надолго было бы большой ошибкой, ведь, расслабившись, мышцы могли попросту отказаться

исполнять свой долг. Император позволил себе улыбнуться, довольный всплывшей в его сознании аналогией между обычной физиологией и любым правлением.

Через два витка лестницы он увидел медленно поднимающегося юношу. Даже со спины чувствовалось, что тот напуган. Обряд инициации заставлял нервничать даже самых стойких, что уж говорить о молодых и еще не до конца окрепших духом. Пугала даже не встреча с необузданным явлением природы, а вероятность того, что молния может тебя не принять.

Этот день в судьбе каждого имперца определял его судьбу, и все связанные с этим переживания были вполне объяснимы. Шестнадцатилетний юноша едва не упал в пропасть, лишь в последний момент заметив следующую за ним тень. Имперец не совладал с эмоциями и выругался. Подняв голову, он побледнел, увидев своего императора.

– Это священное место, тут не место для брани, – усмехнулся Сатор, завидовавший тому, что представшего перед ним имперца способна встревожить такая мелочь, как нарушение этикета.

– Прошу простить, мой господин! – Юноша, как мог, весьма неуклюже склонился в поклоне, насколько это позволяли высокие ступени.

– Как тебя зовут?

– Клавдий, мой повелитель! – Юношу охватила плохо скрываемая дрожь.

– Из какого ты сословия, Клавдий?

– Я сын легионера в девятом поколении, император, – гордо ответил молодой имперец, склоняя голову еще ниже.

Легионеры были далеко не самым титулованным сословием, но сами они гордились своей службой, и редко кто из выходцев подобных семей стремился к иной судьбе.

– Поднимись, Клавдий. Сегодня день твоего обряда? – спросил Сатор.

Вопрос был риторическим. Никакая другая причина не позволила бы простому смертному оказаться в святой святых империи. Молодой имперец поднялся с колен, и на его лице отразилось смятение. Слишком много ярких событий выпало на его долю в один день. Император махнул рукой, призывая юношу продолжить путь к вершине вместе.

– Вы правы, господин, – Клавдий вновь склонил голову.

– Ответь мне честно и не бойся моего гнева, Клавдий. Тебе нравится то, какой стала империя при моем правлении, и что ты слышал об этом в народе?

– Я слишком глуп и невежествен, чтобы считать себя вправе обсуждать и уж тем более осуждать действия моего повелителя. Отец всегда утверждал, что у каждого из нас есть свое предназначение. Предназначение легионера – служить своему императору. – Увлечшись разговором, юноша даже позабыл о страхе высоты.

Повинуясь воспитанию, он рефлекторно занял место ближе к краю, чтобы обезопасить императора от возможности упасть в пропасть.

– Твой отец мудр, но давай представим на минуту, что ты не сын легионера, а мой верный и надежный советник. Что тогда?

– Тогда я бы сказал своему императору, что в народе ходят разные разговоры, – осторожно, подбирая каждое слово и делая паузы, проговорил Клавдий.

– И какие из них должны привлечь мое внимание в первую очередь? – В глазах императора сверкнуло отражение молнии.

– Ваши поданные благодарны вам за свержение предыдущего императора. Многие из них помнят вас как смелого и решительного военачальника.

– Это не то, что я хотел услышать. – Сатор терпеливо дожидался искреннего ответа, понимая, что предварительной лести ему не избежать.

– Я слышал, как некоторые говорят о том, что вы стали слабым. Особенно сильно это показало вторжение хаоса. Многие думают, что вы не являетесь тем, кто сможет противостоять

новой угрозе. – Мысленно Клавдий уже попрощался со своей головой, но отец всегда учил его говорить честно и сохранять чувство собственного достоинства, а не жизнь.

– Вот, другое дело. Ценю твою искренность, Клавдий. Что думаешь ты сам?

– Я думаю, ни у кого из нас нет перед глазами полной картины, чтобы давать свою оценку, мой повелитель. – Юноша снова склонился в легком поклоне.

– Ты мудр не по годам и при этом тактичнее многих придворных. Думаю, тебя ждет большое будущее, даже если сегодня во время обряда инициации тебе не повезет. – Сатор подбадривающе улыбнулся.

– Простите за вопрос, император. Вам было страшно, когда настал черед вашего обряда? – Одобрение повелителя заставило Клавдия на время забыть о рамках приличий.

– Безусловно. Не верь тому, кто говорит, что не боялся этого дня. Страх – это хорошо. Страх придает сил, а его преодоление позволяет чувствовать себя сродни богу на земле. Не будь страха, не было бы и той империи, которую мы так любим. Он помогает удерживать подвластные нам народы от мятежа и в тоже время не дает нам перейти границы разумного в своем правлении.

– Вы думаете, мы сможем одолеть хаос?

– Ты ведь уже наверняка слышал о том, что к столице приближается консул Клетис. Наш дорогой друг стремится заключить союз с роем. Если все пройдет так, как он планирует, наши шансы резко возрастут, – в голосе Сатора при этом не слышалось бурного ликования.

– Да, весь город ждет его прибытия. Говорят, его триумф будет не похож ни на один из тех, что мы видели, – начал Клавдий, но осекся, видя, что его слова не приносят радости повелителю.

Юноша действительно был неглуп и, несмотря на свой юный возраст, уже прекрасно понимал, как устроен мир. Мест в пантеоне власти всегда было ограниченное количество. Если возвышается кто-то один, кто-то другой обязательно должен упасть.

– Простите мне мою глупость, господин, – Клавдий поспешил склониться в очередном поклоне и принести извинения.

– Ты все сказал верно, – грустно ответил император.

Их путь подошел к концу. С последнего этажа башни можно было окинуть взглядом весь кажущийся необъятным город. Сатор похлопал Клавдия по плечу, пропуская вперед. Сегодня был его день, и даже император не имел права украсть у него чувство собственной особенности.

Жрецы обступили молодого имперца. После беседы с императором Клавдий уже не чувствовал себя таким смущенным и напуганным, как прежде. Заметив своего повелителя, верховный жрец направился напрямик к нему, но Сатор поднял руку, давая понять, что подождет.

Из купола вниз спускалась цилиндрическая колонна, оканчивающаяся полусферой, исчезающей в полу. Сейчас эта конструкция не была примечательной, но император знал ее предназначение и с нетерпением ждал, когда увидит ее действие вновь.

Сатор до сих пор не мог понять, почему обряд инициации проходит в столь юном возрасте, но изменение многовековой традиции было бы слишком непопулярным решением для правителя. В шестнадцать лет воля многих имперцев еще не окончательно окрепла, но решение, принятое в этот день, определяло всю их дальнейшую судьбу.

Император внимательно следил за работой верховного жреца. У старика не было имени. Вернее сказать, все, кто мог его знать, уже давно умерли. Сатор даже не мог представить, сколько ему лет. Он ни капли не изменился с тех пор, как сам будущий император проходил свой обряд.

Служители стихии подвели Клавдия к куполу и показали ему, в каком месте стоит приложить ладонь. Разумеется, имперец знал наизусть всю теорию процедуры обряда, но одно дело читать об этом в книгах и совсем другое – впервые столкнуться с этим на практике. Права

на ошибку у него не было, поэтому он постарался очистить свой разум и полностью довериться помощникам Безымянного.

Убедившись, что юноша все сделал правильно, жрецы образовали вокруг него кольцо. Верховный жрец подошел к стоявшему в противоположной стороне алтарю. Глаза его покрылись белой пленкой.

Сатор наблюдал за Клавдием, и на секунду его тоже захлестнуло волнение. Пальцы незапятой руки молодого имперца немного подрагивали. Безымянный лидер культа возвел руки к небу, и в венчающий башню купол ударила молния. Зацепившись за необычную конструкцию, она побежала вниз по цилиндрической колонне. Полусфера остановила ее бег, удерживая в необходимом для обряда месте.

Клавдий не отдернул руку. Это был хороший знак. Большинство испытуемых проваливались еще на самом первом этапе. Юноша лишь слегка морщился, когда один из витков молнии касался его ладони.

Все окружавшие эпицентр мистического обряда жрецы хранили молчание. Император так и не смог решить для себя, переживают ли они за своих подопечных или результат инициации не имеет для них абсолютно никакого значения. Зрочки юноши превратились в мельчайшие точки, в которых едва заметно отражалось буйство стихии.

В какой-то момент Сатору показалось, что юноша не справится. Прошло слишком много времени, и бесконтрольная молния рисковала погаснуть в любой момент. Клавдий прикрыл глаза и отпустил сферу. Маленький отрезок молнии завис между его ладонью и ловушкой для стихии. Опасность этого момента заключалась в том, что молния могла оборваться, и тогда экзамен считался проваленным.

Между тем, Клавдий все больше отдалял свою ладонь, а находящаяся в постоянном движении молния не обрывалась. Чем больше силы оказывалось в руке имперца, тем сложнее было ею управлять. Один из витков молнии отскочил в сторону, но его с нечеловеческой ловкостью поймал стоявший в оцеплении жрец.

На лице юноши появились глубокие морщины. Повинуясь его воле, молния опоясала руку, дойдя практически до локтя. На коже Клавдия проступили хорошо различимые вены. Превозмогая боль от ожогов и сковывающий страх, молодой имперец поднял руку над головой. Жрецы склонили колено перед новообращенным последователем культа.

Но это был еще не конец. Слишком многие расслаблялись в кульминационный момент и отпускали контроль, теряя единение со стихией. Верховный жрец подошел к испытуемому, неся перед собой на вытянутых руках классический тубус. Клавдий принял драгоценность свободной рукой. Сложив ладонь лодочкой, он аккуратно направил молнию в предназначенную для нее емкость. Когда дело было сделано, юноша с гордым видом захлопнул крышку сосуда.

Теперь имперец мог считаться успешно прошедшим обряд инициации, а значит, мог претендовать на лучшее будущее в сравнении с теми, кто потерпел неудачу. Признание стихией символизировало особое предназначение и открывало двери, закрытые для большинства остальных имперцев.

Обернувшись, он отыскал в толпе императора, чтобы получить его одобрение. Сатор одарил его довольной улыбкой. Жрецы увели Клавдия на этаж ниже, чтобы посвятить в тонкости управления обретенным оружием.

– Благодарю, что поставили дела духовные превыше светских, – верховный жрец склонился перед Сатором в уважительном поклоне.

– Никогда не лишне понаблюдать за тем, с чего мы все начинали, – в голосе правителя чувствовался установленный традициями официоз.

– За последний месяц было много плохих и хороших новостей. – Жрец жестом предложил выйти на балкон.

– Правда? Для меня они все звучали, как плохие, – ухмыльнулся Сатор, моментально плюнув на подобающий общению императора и верховного жреца этикет и проследовал за безымянным стариком.

– Здесь нас никто не услышит. – На жреце была красная туника, сильно контрастирующая с его синей кожей.

– Клетис возвращается в столицу с долгожданным миром, – тяжело выдохнул император.

– Консул Клетис. Я помню его. Блестяще прошел обряд инициации. Поистине бурерожденный. – Через лысый лоб, крючковатый нос и кривой рот собеседника императора шла черная линия, разделявшая его лицо на две равные доли.

– Не сомневаюсь в этом, но меня интересует другое. Вернувшись, он будет рассчитывать на положенный ему триумф и личную аудиенцию верховного жреца. Ты планируешь позволить ему подняться на Башню бури?

Подавляющее число имперцев бывали в священной башне лишь раз в своей жизни. Повторного визита удостоивались лишь самые великие представители их народа, и Клетис, безусловно, заслуживал этого права.

– Сын империи преподнес ей величайший подарок, и было бы грубо лишить его положенной награды. Но тебя ведь интересует ответ на иной вопрос? Тебе осталось лишь задать его.

– Клетис почувствовал власть в своих руках и остановиться уже не сможет. Ты прекрасно понимаешь, что я хочу спросить, но, если ты настаиваешь на моем унижении, я все же его задам. Если... Когда речь пойдет о прямой угрозе моему правлению, ты поддержишь меня или предпочтешь увидеть на троне новую фигуру?

– Консул действительно уникальный представитель своего народа. При его правлении величие империи вспыхнуло бы, как никогда прежде.

Сатор пристально уставился на старика. Безымянный был ему неприятен. Особенно раздражала манера поведения, которая в совокупности со снисходительным тоном выставляла его собеседников крайне недалекими глупцами.

– Однако, быстро вспыхнув, империя, как и все остальное, сгорит насовсем. Я предпочту то спокойствие, что дарит твое правление, той вспышке, что может предложить Клетис. Я поддержу тебя, император.

Правителю с трудом удалось сдержать свои лицевые мышцы и не выдать того облегчения, что подарил ему ответ жреца. Сатор был так рад, что даже забыл о просьбе, которую озвучивал при каждом своем визите.

– Император, я попрошу у стихии о твоей семье, – сам напомнил ему жрец, когда император уже собирался уходить.

Перед лестницей император еще раз встретился с Клавдием. В нем произошли большие изменения. Горделивая осанка, расправленные плечи, высоко поднятая голова. В нем не осталось ничего от того застенчивого юнца, которого Сатор встретил при подъеме.

Спускаясь, император остановился на предпоследнем витке лестницы. Здесь он все еще принадлежал себе, но стоило ему пройти еще пол-оборота, и он снова император. Самый влиятельный и могущественный пленник собственной судьбы пошел медленнее, наслаждаясь каждой ступенькой.

Внизу его все это время дожидалась свита. Десяток охранников и два десятка придворных. Все они склонились в трепетном поклоне при виде своего повелителя. Телохранитель поднес ему оружие. Короткий имперский меч в позолоченных, красиво украшенных ножнах легко нашел свое место на поясе. С другой стороны тут же оказался украшенный императорский гербом тубус. Сатор жестом подозвал одного из своих советников.

– Вскоре с башни спустится молодой Клавдий, успешно прошедший свою инициацию. Я хочу сделать ему подарок. Порадуйте его зачислением в сословие всадников, преподнесите соответствующий меч и полагающиеся выплаты.

Придворный удивился решению императора, но спорить не посмел. Прежде его повелитель не был склонен к импульсивным жестам доброй воли. В глубине души Сатор понимал, что его дни сочтены. Ему ничего не стоило порадовать юношу, зато он только что купил себе кого-то, кто точно помянет его добрым словом после кончины. Клавдий определенно запомнит этот день на всю жизнь. Тем более оценит ту милость, которой одарил его император.

Весь остаток дня прошел в государственных трудах. Бывший консул Клетис был уже близко, и столица бурлила, готовясь к празднеству, сопутствующему его появлению. Прочитав донесение Севериана о том, как он мужественно и доблестно сдерживает натиск порождений хаоса, Сатор решил, что с делами пора заканчивать.

В покои своей супруги он входил в прескверном настроении, но стоило ему встретиться с ней глазами, как все тревоги моментально улетучились. Скромно поднятые уголки губ на ее прекрасном лице говорили так мало и сразу все одновременно. Сатор не смог сдержать рвущуюся из него улыбку и заключил Кассию в свои объятия, стараясь не навредить новой жизни своей железной хваткой.

Глава 1. Новая жизнь

Человек, называвший себя Итаном Кэрилом, открыл глаза, и ему сразу же захотелось закрыть их вновь. Слепляющая белизна северных снегов сильно давила на еще не успевшее окрепнуть зрение. Аурлийцу пришлось зажмуриться, чтобы заставить собственный взгляд сфокусироваться на происходящем. К нему быстро пришло осознание, что лежит он на медвежьей шкуре, вежливо разложенной специально для него посреди небольшой, но вполне уютной пещеры.

Звук выскочившей из опаленной древесины искры заставил его повернуть голову в сторону выхода. Смутный силуэт закрывал собой треть проема, сквозь который в обитель аурлийца проникал отраженный от снежного покрывала свет. По мере того, как глаза Итана привыкали к естественному освещению, контуры незнакомца начали приобретать очертания капитана Хольга.

Рэджинальд сидел, оперевшись об один из природных каменных выступов, укутавшись в две теплые шкуры, верхняя из которых была обильно покрыта кровью. Обнаженные руки он грел у разведенного костра. Капитан не сразу заметил пробуждение своего товарища, а тот в свою очередь не спешил оповестить его о своем присутствии. Прежде чем вернуться к насущным проблемам, Кэру хотелось разобраться в произошедших в нем изменениях.

Опустив взгляд, он понял, что на нем гораздо меньше одежды, чем на капитане. Тем не менее, прислушавшись к собственным ощущениям, аурлиец осознал, что совсем не чувствует холода. Более того, он не ощущал никакой боли, что полностью противоречило ожидаемым последствиям недавней бойни. Воспоминания подкидывали сознанию картины свершившегося сражения, в ходе которого он, без всяких сомнений, был смертельно ранен.

Итан перевел взгляд в другой угол пещеры в надежде увидеть там Джонатана Норрингтона, но, кроме него и Рэджинальда, в этой высокой обители не было ни души. Хольт уловил едва заметное движение своего бывшего лейтенанта и, столкнувшись с ним взглядом, печально ухмыльнулся в попытке подбодрить друга. Поднявшись со своего места, он подошел, внимательно оглядел товарища и только после этого выглянул на улицу.

– Очнулся! – крикнул он, пытаясь перекричать поднявшийся ветер.

В сердце аурлийца появилась новая надежда на то, что сейчас в проеме пещеры появится грозный силуэт мистера Норрингтона, но капитан обратился к Вендэлю. Первородный молча вошел под каменные своды и, присев рядом с распластавшимся на шкуре аурлийцем, осмотрел его не менее тщательно, чем несколько секунд назад это сделал капитан Хольт.

– Поднимайся, у нас много дел, – произнес младший из праотцов, удостоверившись, что с его новым собратом все в порядке.

Кэр сдвинул брови, решив, что это какая-то злая и неуместная шутка. После того, что с ним сотворил Лотэйр, он не был уверен в том, что выживет, чего уж там говорить о том, чтобы ходить.

– У нас нет времени ждать, пока ты отдохнешь. Вставай уже, – чуть более строго приказал первородный, проигнорировав озлобленное выражение лица Кэра.

Аурлиец сделал гораздо меньшее усилие, чем рассчитывал, и его тело легко подчинилось. Через доли секунды он уже был на ногах и внимательно оглядывал собственные руки. Стянув перчатку, он убедился, что его увечья, вызванные демонической порчей, никуда не делись. Моментально вспомнив о самом главном, Кэр ухватился за висевшие на шее медальоны. Оба, включая прощальный подарок Белиус, были на месте.

Итан внимательно прислушивался к тем сигналам, что посылало ему его собственное тело. Никогда прежде он не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. Движения не требовали усилий, а их скорость значительно возросла. Холода аурлиец не почувствовал, даже когда высунил руку из пещеры, подставляя ее под сильные потоки ветра.

– Должно быть, чувствуешь себя богом. Понимаю тебя, – улыбнулся Вендэль.

– Нет. Не понимаешь. Ты никогда не был никем иным, кроме первородного. Тебе не с чем сравнивать. – Кэр спокойно обернулся, лицо его не выражало эмоций.

Улыбка исчезла с лица праотца. Вендэль не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он хотел что-то сказать, но Итан не слушал. Аурлиец уже вышел из пещеры и подставил ладонь под падающий снег. Растаявшая снежинка превратилась в воду, и Кэр радостно выдохнул, осознав, что смог это ощутить. Он боялся, что произошедшие в нем изменения напрочь лишили его любых чувств.

Стоя на одной из самых высоких вершин этого мира, Итан больше не ощущал ожидаемых проблем с дыханием. Если бы не свершившаяся здесь недавно трагедия, это место могло бы по праву считаться одним из самых красивых, что он видел за всю свою жизнь. С одной стороны открывался вид на южные склоны гор, постепенно переходящих в более пригодные для обитания просторы.

С другой же можно было увидеть бесконечную синюю гладь омывающего континент моря. Кэр старался не думать о том, есть ли что-нибудь за его границей. Не является ли тот кошмар, что сейчас творится, очередным экспериментом каких-либо более могущественных сил. Картографы империи утверждают, что мир сферичен и, отправившись на север, рано или поздно отважный мореплаватель увидит на горизонте пески царства роя, но кто знает, какие еще секреты хранит творение Гаетейн.

Заставив себя оторваться от лицезрения безграничных просторов, Итан сфокусировался на том, что было поблизости. То, чего он подсознательно старался избегать как можно дольше. Не обращая внимания на метель, его глаза смогли разглядеть два холма, появившиеся здесь за время его перевоплощения. Ноги не хотели идти в их сторону, и Кэру потребовалось совершить волевое усилие, чтобы медленно направиться к зловещим возвышенностям. Снег оказался таким плотным, что ноги практически не проваливались в его недра.

Как и предполагал Итан, холмы оказались сооруженными из камней могилами. Снежное покрывало заботливо укутало последнее пристанище двух великих воинов. Воткнутое между булыжников оружие позволяло определить место захоронения каждого из уважавших друг друга противников. Двое лучших бойцов, что видел этот свет, нашли свой покой в забытой всеми богами глуши. Кэр не знал, отважится ли когда-нибудь кто-то из живых почтить их память.

– Наш друг похоронил своего брата. Он был настолько любезен, что после этого помог мне позаботиться о Джонатане, – сказал возникший за спиной Кэра закутанный в меха Хольт.

– Его не должно было быть здесь. Я обязан был остановить его еще в лагере, – ответил на это Итан.

– Это было его собственное решение. К тому же я не думаю, что без него нам бы удалось одолеть Лотэйра. Я уверен, что он не желал бы себе другой смерти, кроме той, что подарила ему судьба. Не стоит вешать еще и этот груз себе на душу. У нас и так слишком много вещей, о которых стоит беспокоиться, – проговорил Рэджинальд дежурные для подобной ситуации фразы, целью которых было хоть немного ослабить возникшее в сознании Итана чувство вины.

Сильный ветер трепал и едва не разрывал те лохмотья, что сейчас были на Кэре. Отросшие волосы лезли в лицо и сильно мешали. Итан ощутил охватившую его злость, вызванную страхом. Он смотрел на могилу своего товарища, вместе с которым прошел через множество испытаний, но не чувствовал той боли, что, по его мнению, должен был пропускать через собственную душу. Кэр копался в глубинах подсознания, пытаясь найти ответ на вопрос, свя-

зано ли это с закалившимся в череде потерь характером или же его внутреннее спокойствие вызвано эффектом новоприобретенной силы. Оба ответа его не устраивали. Живой человек не должен был реагировать на потерю близкого настолько спокойно, что это граничило с равнодушием.

– Что теперь, Рэджи? – спросил аурлиец, чтобы хоть как-то вырваться из омута тревожных мыслей.

– Вендэль сказал, что научит тебя всему, что знает. Как только ты будешь готов, мы отправимся туда, где начался этот кошмар, и ты навсегда закроешь эту треклятую брешь, открытую Лотэйром.

– Простой план, – рассмеялся Кэр.

– Лучше многих, что у нас были, – ухмыльнулся в ответ Хольт.

– Ты ведь не останешься со мной? – этот вопрос Кэр задал серьезно, подсознательно тем не менее уже зная, что ответит его бывший капитан.

– Для меня здесь слишком холодно. Я ждал только для того, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. К тому же здесь от меня никакого толку.

– Мне бы не помешало присутствие друга, – произнес Итан, которого пугали происходившие в нем перемены.

– Это будет лишним. Я постараюсь добраться до Аурлии и заставить короля, которого мы с тобой посадили на трон, исполнить свой долг, – в голосе Хольта чувствовалась непоколебимая решимость.

– Думаешь, удастся? Я уже пытался.

– Я могу быть крайне настойчив. Обещаю, я доставлю тебя до портала в тот ад из которого лезут эти твари, чего бы мне это ни стоило. – Хольт протянул руку, намереваясь проститься.

– И да помогут нам все боги этого мира! – печально улыбнулся Итан и пожал руку в ответ.

Спустя полчаса сборов капитана он наблюдал за тем, как его товарищ приступил к спуску. Ничтожно маленькая в сравнении с величием гор фигура исчезла за ближайшим склоном. Рэджинальду Хольту предстоял нелегкий путь через полмира, но едва ли он был больше и труднее того, что должен был преодолеть Кэр.

– У тебя теперь другая судьба, – голос Вендэля в голове был неприятен – казалось, первородный читает мысли аурлийца.

– Судьба у нас всех теперь одна, общая, – спокойно и безэмоционально ответил Итан.

– Забудь о своей прошлой жизни, привязанностях и надеждах. Став первородным, ты обрел не только дар, но и проклятье. Тебе придется смотреть, как стареют и умирают те, кто тебе дорог, и ты ничего не сможешь с этим поделать. Поколения твоей семьи будут сменяться одно за другим, а на твоём лице не появится новых морщин. Если, разумеется, ты вообще сможешь подарить им шанс на дальнейшую жизнь.

– А гримуар? – Кэр сразу же подумал о Сири и своем сыне.

– Я его уничтожил. Ни к чему оставлять такой источник силы в мире, где так много зла. Пока от него было больше вреда, чем пользы, – произнес немного смущенный тем, что сжег один из бесценных даров своей богини, Вендэль.

Итан с трудом поборол желание хорошенько заехать праотцу по лицу, хоть в глубине души и осознавал, что тот поступил правильно. Две фигуры какое-то время молча стояли посреди обволакивающей их метели. Резкие порывы ветра, способные вызвать сход лавины, были безразличны им обоим.

– Пора начать твое обучение, – Вендэль произнес эти слова вслух на языке жителей долины, и, к своему удивлению, Итан легко его понял.

Тем временем дипломатический корпус Клетиса приближался к столице. Только к концу их путешествия Грин и отступница успели совладать с бурей эмоций, что охватила их при виде тех перемен, что произошли с Хоривом. Эйден же воспринял эту новость со свойственным ему

равнодушием и новообретенной отрешенностью. После того как трансформация стала очевидной, утларг больше не видел смысла скрывать свой секрет и поведал им всю хронологию творящихся в нем изменений.

Единственный, для кого это не стало шоком, был Га-либ. Монстр чувствовал то пере строение, что происходило в плоти Хорива. Завершив свое превращение, юноша стал постоянно слышать в голове голос своей царицы и не был в силе противиться ему. Древнему хотелось быть как можно ближе к ней, заслужить ее благодарность, отдать собственную жизнь только ради того, чтобы увидеть на ее лице улыбку.

С каждым днем он становился все более молчаливым и неуклонно отдалялся от своих товарищей. Накануне прибытия в Корпакс Хорив даже не пришел в их маленький лагерь, предпочтя провести ночь в окружении роя. Чаар приняла его с распростертыми объятиями. Не стерпев происходящего, штурман отправился к царице с визитом.

– Отпусти его, – перешел сразу к делу Дункан, едва откинув полог ее шатра.

– О чем ты, человек? Он здесь по своей воле. – Царица предпочла притвориться непонимающей, несмотря на то что легко определила, о ком говорит штурман.

В порыве чувств аурлиеца сделал несколько резких шагов вперед и схватил ее за руку. Меч Чаар-Тоа-Вал-Готэ моментально покинул ножны. Грин тут же разжал руку, давая понять, что рискующая перейти в кровавую бойню ссора ни к чему.

– Твой друг теперь часть моей семьи, и я за него в ответе. Он не видит другой жизни, кроме как служить мне, – примирительно сообщила Чаар.

Словно в подтверждение ее слов, стоявший все это время позади нее Хорив подошел к столу и, взяв кувшин, наполнил вином протянутый ею кубок. Руки его при этом сильно тряслись, и несколько капель упало на пол.

– Зачем он тебе? Хорив, ты можешь уйти со мной прямо сейчас, – в голосе аурлийца вновь зазвучала угроза.

Утларг обернулся, услышав собственное имя, но в его взгляде не осталось ничего от светловолосого юноши, что когда-то давно напросился в ученики к бывшему убийце. Как ни старался штурман, он не мог разглядеть в его новом лице своего старого друга. Тогда Дункан решился на отчаянную меру. Выхватив меч, аурлиец нанес молниеносный удар, направленный в сторону царицы.

Даже Чаар-Тоа-Вал-Готэ не успел вовремя среагировать. Послышался звон стали о сталь. В удивленных глазах штурмана отражался спасший свою царицу Хорив, заблокировавший его удар своим мечом.

– Ваш друг последний из обращенных моей матерью. Он мне дорог как память о ней. Я уже сказала, что он полностью подвластен моей воле. Я даже могу приказать ему убить себя, и он не сможет противиться. Мне стоит устроить демонстрацию? – Повинуясь ее приказу, Хорив прижал лезвие клинка к собственной шее.

– Нет, не стоит. – С трудом сдерживая гнев, вызванный собственной беспомощностью, Грин вернул меч на пояс.

Позади он услышал хрип существа существа, захлебывающегося собственной кровью. Аурлиец резко обернулся. На землю падал один из стражников Чаар. Царица не удержалась от удовольствия продемонстрировать собственную мощь и силу своего влияния на рой.

– То есть так царица заботится о своем народе? – произнося эти слова, штурман смотрел только на Чаар-Тоа-Вал-Готэ.

Воину не был понятен смысл слов, сказанных аурлийцем, но их интонация и сопровождающий взгляд донесли основную мысль. Дункан понял, что ничем хорошим его попытка в одиночку спасти товарища не окончится, и вынужден был отступить. В сердцах он опрокинул поднос с кувшином, когда покидал шатер Чаар. Царица улыбнулась и демонстративно отхлебнула из бокала, упиваясь своей маленькой победой.

Вернувшись в лагерь, принявший на себя командование Грин поднял друзей и приказал вооружаться. Маленький отряд приблизился к ставке роя, но Чаар предусмотрительно выставила усиленное оцепление, не оставив и шанса на прорыв. Пытаясь сдержать злость и прислушаться к голосу разума, спасательный отряд вынужден был отступить.

Утром процессия продолжила свой путь, а уже через несколько дней путники вновь увидели стены столицы. В этот раз город сильно отличался от того, что встретил аурлийцев несколько месяцев назад. Жители праздновали триумф имперца, положившего конец бесконечно долгой войне. На башнях возвышались хоругви империи. Все знали о скором прибытии дипломатического корпуса и готовились к этому как к величайшему празднику в истории империи.

Толпа уже собралась на улицах, образуя узкий коридор, очертивший путь от городских ворот до главного дворца империи. Трудолюбивые хорты украсили мостовую временными ограждениями, чтобы особо рьяные представители толпы не смогли подобраться слишком близко к процессии. Дарнау не переставая использовали то небольшое количество магии, что в них осталось, заставляя лепестки белых цветов витать в воздухе и опадать на плечи чествуемых героев.

– Знали бы они, какой ублюдок их консул, – процедил сквозь зубы Грин.

– Их бы ничего не смутило, даже знай они всю подноготную нашего друга. Для них он спаситель, который приносит победы. Таких народ любит, несмотря на те методы, что они избирают для достижения своих целей. К тому же по их законам он не сделал ничего плохого. Не забывай, что он имперец и ему дозволено больше остальных, – ответил Га-либ.

По традиции проход через тропу триумфа необходимо было совершить пешком, что значительно увеличивало время путешествия. Изменять традициям никто не решился, даже несмотря на нависшую на западе угрозу. Император должен был ожидать верного сына империи на рассвете следующего дня.

Ликующий Клетис прошел этот путь, даже не заметив усталости. Лишенные охватившего консула энтузиазма, остальные члены корпуса прочувствовали каждый шаг этого длинного пути. Отряд Дункана надеялся скрыться на улицах города, едва только пересечет первые ворота, но собравшаяся толпа стояла настолько плотными рядами, что сделать это, не привлекая к себе внимания, было практически невозможно.

Ликование населяющих Корпакс жителей было настолько велико, что волей-неволей заражало сердца мрачно бредущих товарищей аурлийца. Опадающие сверху листки неизвестных им цветков создавали ощущение грандиозного празднества. Если бы не переживания за Хорива, губы путников рисковали бы растянуться в широких улыбках, полных надежд.

Рой же шел молча, в одном ритме и, казалось, вообще не интересовался происходящим вокруг. Тем разительнее чувствовался контраст между ними и обладавшей свободной волей царицей и ее верным Чаар-Тоа-Вал-Готэ. Привыкший при любых обстоятельствах сохранять каменное лицо телохранитель все же не устоял и дрогнул. Он с едва скрываемым интересом осматривал представителей всевозможных народов, составляющих основу империи.

Больше всего его поражало даже не этническое разнообразие окружавших их зрителей, не парящие в воздухе гесталы, разбрасывающие лепестки, а их обособленность друг от друга. Все они вроде бы испытывали одну и ту же эмоцию, но каждый проявлял ее по-разному, а на лицах ясно читалось то, что думает при этом каждый о чем-то своем, сокровенном.

Чаар-Тоа-Вал-Готэ был в еще в начале пути собственного осознания и жадно впитывал все, что анализировал его взгляд. Каждое из этих существ было уникальной единицей, способной совершать самые неожиданные поступки. Опытный воин не мог понять, как лишенная единения роя империя могла так долго сопротивляться их натиску. Как каждый из этих существ, лишенных врожденной предопределенности, определял смысл своего бытия? До того

момента, как Чаар-Тоа-Вал-Готэ впервые покинул пустыню, он и представить себе не мог, что жить можно как-то иначе, кроме как в беспрекословном служении своей царице.

Оглядывая марширующих позади представителей собственного народа, воин с непонятной ему самому тоской осознавал всю тщетность их существования. Казалось, что в них нет души. Чаар-Тоа-Вал-Готэ и сам не чувствовал ее присутствия до обретения свободы. Сейчас же он упивался каждой новой эмоцией и каждой новой мыслью, что обнаруживал в собственном сознании.

Пересекая стены линии Публия, Дункан чувствовал, что едва не валится с ног. На всем протяжении пути, и днем и ночью, им так и не предоставился шанс перестать быть частью триумфа. Утреннее солнце заставило открыться второе дыхание, но и то рисковало в любой момент подойти к концу. Измотанные путники не знали, что впереди их ждут еще большие испытания.

Сатор встретил рассвет на лестнице своего дворца. Бесконечная рябь ступеней уходила от его ног, заканчиваясь далеко внизу. Недавняя благостная новость, заставившая его на время позабыть о всех заботах, успела практически полностью исчерпать свой ресурс. Император позволил себе отвести целый день на то, чтобы полностью насладиться свершившимся моментом. Вместе с Кассией они даже успели выбрать для ребенка имя. Будущего наследника империи окрестили Маром.

Император был убежден, что родится мальчик. В противном случае Сатор намеревался наплевать на все традиции и посадить собственную дочь на трон. В честь матери императора девочку нарекли бы Ульпией. Сатор уже мысленно рассуждал, как изменят мнение те, кто посчитал его потерявшим былую хватку. Пусть хоть один из этих зажавшихся патрициев позволит себе вставить хоть одно возражение поперек его решению, и эти слова обязательно станут для него последними.

Тем не менее свалившиеся с небес радости добавляли новых забот. Теперь опасения за безопасность собственной семьи терзали императора с двойным усердием. Сатор знал, что бежать нет смысла. Клетис найдет его, где бы он ни спрятался. Значит, единственным выходом было остаться на своем месте и сражаться за него, как за право на существование.

Процессия уже начала появляться у подножия лестницы. Сатор бросил быстрый взгляд на верховного жреца. Тот покорно склонил голову, давая понять, что по-прежнему поддерживает своего императора. При этом от зоркого глаза имперца не ускользнула та легкая поздравительная улыбка, что исказила неприятное лицо Безымянного.

«Он знает», – сразу понял Сатор.

Сведения о грядущем пополнении хранились в строжайшем секрете. Во всем дворце о радостной новости знало не больше десяти самых доверенных лиц. Сатор был уверен в каждом.

«Неужели зарождение новой жизни действительно не обошлось без вмешательства стихии, и не знак ли это добрых намерений от обещавшего поддержку жреца?» – рассуждал император, стараясь не смотреть на начавшего свой подъем консула.

При виде бесконечных рядов ступеней ноги Дункана вознамерились поднять бунт, но ему пришлось заставить себя преодолевать один выступ за другим. В конце концов, сейчас он представлял всю Аурлию и попросту не мог позволить себе публично проявить слабость или упасть в грязь лицом. Последний час пути он преодолел лишь благодаря лицемерию вне всяких сомнений великого имперского зодчества.

Сатор нарочно не пошел им навстречу, оставшись дожидаться на верхней площадке, а его свита, несмотря на все огромное желание, не посмела пойти вперед своего господина. Беззвучно появившийся жрец оказался за правым плечом императора. Место по левую руку занял ближайший советник.

На секунду император подумал, что до конца не может доверять даже им. Кто знает, какие интриги мог успеть сплести Клетис, используя свои тайные каналы связи. Ничто не мешало жрецу прямо сейчас достать припрятанный нож и, найдя лазейку в доспехах, оборвать жизнь господина. Сатор представил, как от удара качнется его тело и, повинаясь инерции, кубарем покатится вниз по ступеням. Бесславный конец, хотя стоит его сердцу остановиться, и это уже не будет иметь для него никакого значения.

– Я хочу, чтобы ты навел справки. Мне необходимо знать, на кого я могу рассчитывать. Скажи им, что время на раздумья подошло к концу и каждому придется определиться, на чьей он стороне, – Сатор произнес эти слова достаточно тихо, но так, чтобы их услышал не только советник, но и верховный жрец.

Мудрый советник не стал задавать дополнительных вопросов. Он и так прекрасно понимал ситуацию, а также то, чего именно от него хочет его император.

Утреннее солнце слепило встречающих и охватывало прибывших светящимся ореолом величия. Сотни фанфар сопровождали их подъем.

Император прекрасно отыграл свою роль. Никто бы не смог почувствовать, что в его голосе звучала фальшь, в то время как он воспевал похвалу достойнейшему из сынов империи. Кулаки Эйдена сжались на рукояти висящего на поясе оружия. Больше всего на свете ему сейчас хотелось броситься вперед и воткнуть оба клинка в спину убийцы. Аурлиеца даже представить себе не мог, какую услугу в этот момент был способен оказать действующему императору.

Однако мистер Мерфи помнил о данной им клятве. Сейчас еще было не время убивать Клетиса, но оно обязательно настанет, и в тот миг аурлиеца будет рядом. Союз между империей и роєм еще не успел устояться, но как только этот момент придет, дуэлянта не сможет остановить ни одно существо, будь оно живым или мертвым.

Выслушав заслуженные дифирамбы и от жреца, Клетис сделал шаг назад, тактично пропуская и представляя широкой публике свою спутницу. Чаар вежливо и почтительно склонилась перед своим недавним врагом. В знак добрых намерений царица предпочла надеть скромное белоснежное платье без лишних украшений. Тем не менее ее внешний вид и гордый взгляд говорили о том, что разговор будет идти на равных. Император был поражен ее готовностью к диалогу и посчитал нужным ответить соответствующей любезностью.

Дальнейшая беседа не была предназначена для ушей простых смертных. Император, царица роя и Клетис исчезли в бесконечных залах дворца. Грин с тяжелым сердцем наблюдал, как за телохранителями Сатора и Чаар-Тоа-Вал-Готэ последовал Хорив.

Га-либ сообщил остальным, что теперь они могут расходиться. Дункан боялся, что их задержат, но, вопреки ожиданиям, путь до выхода с линии Публия обошелся без преград. Оказавшись через несколько часов в доме каннибала, изможденные путники уснули и проспали до самого вечера.

Очнувшись первым, штурман застал Га-либа в общей гостиной. Монстр стоял у окна и, отодвинув штору, внимательно наблюдал за той зоной отчуждения, что образовалась между его домом и остальным городом. За то время, что хозяина не было дома, жители успели позабыть о страхе перед ним, и по периметру площади образовались торговые ряды. Однако стоило Га-либу вернуться в свой дом, как слух об этом моментально облетел каждый дом квартала, после чего не отличавшиеся излишней храбростью лавочники предпочли поскорее убрать с глаз монстра свое имущество. Заметив застывшего за его спиной аурлийца, Га-либ поманил того пальцем.

– С тех пор, как я связался с вами, мне приходится страдать от повышенного внимания лантов. – Каннибал предложил аурлийцу взглянуть самому.

Сперва Дункан ничего не заметил. И правда, площадь казалась абсолютно опустевшей. Только через несколько секунд, когда глаза привыкли к ночи и смогли сфокусироваться, он заметил тени. Свет полной луны выдавал спрятавшихся за углами домов стражников. Некото-

рые из них пытались спрятаться еще меньше и неподвижно стояли, сливаясь с фасадами домов. Всего штурман насчитал около двух десятков.

– Они снова пришли за нами? – переполошился Дункан, уже готовый будить остальных, чтобы подготовиться к обороне дома.

– Не думаю. Пока просто следят. Они тут с тех пор, как мы вернулись. Думаю, не ошибусь, если скажу, что они здесь по личному приказу императора. Сатор наверняка все еще думает, что Клетис наш союзник.

– Здесь нас всегда найдут, нужно отыскать место, где можно спрятаться и не трястись, что в любой момент наш покой может быть нарушен лантами.

– У меня есть одно на примете. Думаю, дом, прежде занимаемый посольством отступников, сейчас пустует, а зная нашу репутацию и любовь к ловушкам, мародеры не должны были его потревожить. – Ингрид появилась незаметно для обоих мужчин.

– Отлично! Ты с нами? – воодушевился Грин, обращаясь к хозяину особняка.

– Нет, это мой дом, и я никуда не пойду. К тому же это первое место, куда отправятся Кэр, Джонатан и Хольт, оказавшись в столице. Кто-то должен дожидаться их здесь.

– Разбуди Эйдена, нам не стоит терять времени, – попросил аурлиец отступницу.

– Я помогу вам выбраться незамеченными. Я давно позаботился о своей безопасности. Из моего кабинета проложен тайный ход. Империи о нем не известно. Все, кто когда-либо знал о нем, мертвы уже больше трех столетий.

– Спасибо, Га-либ. Может, сотворишь еще одно чудо и найдешь нам крепкий корабль? – усмехнулся Грин, в глубине души надеясь, что смерть строителей потайного лаза возникла вследствие естественных, а не насильственных причин.

– Посмотрю, что можно сделать, но ничего не обещаю. Поспрашиваю у своих источников.

– Сообщи Джонатану о том, что стало с Хоривом, когда он вернется. Скажи, что я пытался сделать все, что в моих силах, но потерпел неудачу.

– Сделаю. Еще поручения, аурлиец? Может, хочешь узнать свою судьбу? – рассмеялся Га-либ.

– Мне это не нужно. Я сделаю все, что должен, и мне не обязательно для этого знать, что из этого выйдет, – улыбнулся штурман в ответ.

В зал вернулись Ингрид и мистер Мерфи. Аурлиец предложил Эйдену аккуратно выглянуть в окно. Дуэлянт понял все без лишних слов и определил слежку значительно быстрее своего товарища.

– Мы уходим. Этой ночью. Ты с нами?

– Нет, – спокойно и отрешенно ответил Эйден.

– Почему? – нетерпеливо спросила отступница.

– Рядом со мной сейчас опасно. Я ходячая мишень. Консул вернулся домой и теперь практически не ограничен в своей власти. Ничто не мешает ему отдать приказ устранить угрозу. Я бы предпочел остаться здесь, если Га-либ не возражает.

– Будь как дома, – монстр склонился в ироничном поклоне.

– Значит, идем вдвоем. Га-либ, ты знаешь, где нас найти. Если появятся новости о корабле или о наших друзьях, сразу сообщи. – Штурман переглянулся с отступницей.

– Прошу пройти в мой кабинет, – оскалился каннибал и первым направился в сторону подвала.

Ингрид старалась сдерживать то отвращение, что вызывала в ней аура этого места. Га-либ открыл увесистый шкаф и выудил из его недр два плаща. У его гостей не было сомнений в том, что прежде эти одежды принадлежали преждевременно отжившим свой век существам. Отступница нахмурила брови, намереваясь отказаться.

– Представительница старшего народа нынче сильно выделяется в толпе, особенно в этих краях. Сейчас не до брезгливости, – с этими словами монстр бросил ей кусок ткани.

Девушка была вынуждена с ним согласиться. Переборов отвращение, она надела плащ и накинула капюшон.

– Ты знаешь, где нас найти, – повторил Грин, прежде чем крепко пожать руку провожавшему их мистеру Мерфи.

Га-либ вернулся в увешанный картинами зал и, сняв одну из них, открыл проход беглецам. Кривой краской на ней была изображена красивая девушка-зворг с пугающе живыми глазами.

– Как дойдете до конца, не спешите выбираться наружу. Я отвлеку наших скромных гостей на улице. – Га-либ тоже протянул руку для пожатия.

– В наше время будет не лишним сказать, что я надеюсь увидиться вновь, – аурлиец пожал руку в ответ.

Закрыв проход за спинами скрывшихся в темноте беглецов, Га-либ покинул свой дом. Встав посреди площади, он закинул голову к небу и глубоко вздохнул.

– Прошу простить меня, я был крайне груб, не пригласив вас в свой дом, – сказал монстр громко и четко, делая небольшие паузы между словами.

Никто ему не ответил, но Га-либ заметил, как от неожиданности вздрогнуло несколько теней.

– Прежде не замечал за лантами такой стеснительности. Есть тут кто-то, кто уполномочен со мной разговаривать? – рассмеялся каннибал.

В ответ он вновь получил лишь тишину. Тем не менее Га-либ стоял, терпеливо дожидаясь хоть какой-то реакции. Ожидание было вознаграждено, когда к нему подошел один из стражников. Монстр чувствовал на себе взгляды большинства тех, кто был отправлен следить за его домом.

– У вас нет необходимости прятаться в тени. Я давно заметил ваше присутствие. Если вам приказали следить за мной, можете делать это не таясь. Мне нечего скрывать. По крайней мере, империи хорошо известно о том, что творится за стенами моего дома, – Га-либ как мог вежливо поприветствовал подошедшего ланта.

– Доброй ночи, Га-либ.

– Дженаб! Как поживает твой брат, Кир? Помнится, он был недоволен, когда я подтвердил опасения в отношении верности его супруги.

– Мой брат повесился, – сжав зубы процедил стражник.

– Неловко вышло. Я предупреждал его, что истина редко приносит удовольствие, в отличие, кстати, от лжи. Его жена знала в этом толк. Вы оба. Она могла бы подтвердить это, если бы не стала моим заказом. Ты успел рассказать ему о вашем маленьком секрете, прежде чем он свел счеты с жизнью? Зачем ты здесь? Я живу в этом городе столетия и никому не причинил вреда. По крайней мере того, на который у меня не было бы дозволения, – монстр старался говорить как можно более миролюбиво.

– Приказ с самого верха. Я отвечаю за этот район, Га-либ. Я всегда жалел, что мне достался именно он, но только не теперь. Я плохой лант, недостойный быть частью своего народа. Должен быть хладнокровен, но я всей душой мечтаю о моменте, когда в отношении тебя поступит соответствующий приказ. Дай мне только повод, монстр! – На лице Дженаба появилась хищная улыбка.

– Будь осторожен, мой друг. Ты можешь сильно пожалеть о своем желании, когда придет тот самый день. Если пожелаешь, я могу освободить тебя от мук ожидания. Мы можем решить все прямо здесь и сейчас, – улыбнулся в ответ Га-либ.

– В этом наше главное отличие, каннибал. Я ставлю высокие цели превыше своих. Именно поэтому ты все еще жив. Можешь не беспокоиться. Ты будешь влачить свое жалкое существование, пока я не получу приказ.

Га-либ хотел ответить колкостью на лицемерие ланта, но удержался, заметив две исчезающие за углом тени. Его задача была выполнена.

– Значит, мы оба с нетерпением будем ждать назначенного дня, – сказав это, монстр развернулся и невозмутимо направился в сторону своего дома.

Там его уже ждал мистер Мерфи. Аурлиец сидел в кресле у камина и попивал припасенное Га-либом вино из красиво украшенного кубка.

– Надеюсь, ты не возражаешь? – задал риторический вопрос Эйден, поднимая руку с кубком над спинкой кресла.

– Ни в коем разе. – Хозяин дома наполнил свой кубок и с наслаждением растянулся в соседнем кресле.

Несколько поленьев щелкнули, выстреливая небольшим фейерверком искр. Никто из мужчин не обратил на это внимания.

– Получилось? – спросил аурлиец.

– Они в безопасности. Насколько это вообще возможно при нынешних обстоятельствах. – Га-либ сделал очередной глоток.

– Пришло время поговорить о том, что ты увидел. – Эйден поднял руку, на которой не хватало мизинца.

– Знание о том, что твоей мести не суждено свершиться, заставит тебя от нее отказаться? – ухмыльнулся монстр.

– Нет. Других планов на эту жизнь у меня нет.

– Значит, не стоит тебе об этом думать. Делай, что считаешь должным, и сам увидишь, что будет.

Мистер Мерфи был вынужден согласиться с кровожадным прорицателем. Они синхронно отпили из своих кубков и больше в этот вечер не заговорили.

Глава 2. Забытая вражда

Император терпеливо дожидался, когда тронный зал покинет последний придворный из числа тех, чьим ушам и языкам Сатор не мог доверять до конца. Необычайно просторное помещение с высочайшими потолками было гордостью имперского зодчества. Гладкий и идеально чистый мраморный пол служил фундаментом для широких колонн-атлантов, удерживающих на своих плечах неимоверно тяжелую каменную крышу. Стоило кому-либо заговорить, и его голос эхом разносился по каждому уголку зала, обволакивая высеченные из того же мрамора статуи императоров прошлого. Трон правителя половины мира представлял из себя целую композицию. Множество молний сходились у его основания, создавая впечатление, что восседающий на нем император послан с небес. Камень выглядел таким мягким, что, казалось, стоит до него дотронуться и пальцы обязательно оставят на нем следы вмятин.

За спиной императора располагался последний из всего двух выходов из тронного зала. Необычайно просторный балкон был идеальной смотровой площадкой для лицезрения Корпакса. Сатор любил подолгу стоять у его края, наслаждаясь идеальными видами, и вдыхать аромат раскинувшегося внизу цветущего сада.

Чаар не намеревалась тянуть время. Стоило стражам в дальнем конце зала прикрыть массивные двустворчатые двери, как она тут же приступила к делу.

– Великий император Сатор! Нет слов, способных описать ту радость, что я испытала, услышав о вашей готовности вступить в переговоры. Война между нашими землями длится уже так долго, что большинство из ныне живущих не помнят, кто и зачем ее начал, – уверенно заговорила царица на имперском.

– Ты говоришь истину, дочь роя. Прошу, продолжай, – наполовину доброжелательно, наполовину настороженно улыбнулся император.

– Мой император, царица Чаар, чья мудрость и красота спорят за право называться главным из ее достоинств, хочет сказать, что сейчас у нас появился новый, невероятно опасный враг, угрожающий не только спокойствию, но и существованию обеих сторон, – вклинился Клетис, чтобы напомнить, кто является главным организатором того диалога, из которого его тактично хотели исключить.

– Мне бы хотелось, чтобы царица сама говорила от своего имени, – император наградил своего консула таким взглядом, что тот быстро пожалел о своей импульсивности.

«Тебе придется стерпеть и покорно склонить голову. Сейчас ты еще не готов бросать судьбе вызов», – думал Клетис, кланяясь и стараясь при этом не выдавать своих эмоций.

– Консул Клетис прав. В наследство от матери мне досталась не только безжизненная пустыня, но и иное чувство восприятия. Я давно начала ощущать, как над нашим миром нависает угроза. Сейчас она уже стала очевидна как никогда. Нам стоит забыть старые обиды. В противном случае не устоит ни рой, ни империя. – Чаар смело стояла посреди огромного зала и выглядела сейчас едва ли менее величественно, чем сам император.

– Не могу оспаривать мудрость твоих слов, царица. Скажу больше, я никогда не жаждал этой войны. Бесконечное количество достойных сынов империи сложили голову на восточных рубежах. Ты говорила о наследстве? Эта война досталась мне от моих предшественников. Куда менее драгоценный дар, нежели твоя способность чувствовать изменение баланса сил, – улыбнулся Сатор еще более миролюбиво.

Чаар ему нравилась. Сильная, уверенная в себе, отважно сунувшая голову прямо в пасть льва. Однако император не обманывался. Даже если царицей движет исключительно стремление защитить мир, лично для него она навсегда останется врагом или очередным опас-

ным союзником. Сатору хватило пары минут наблюдения за взаимодействием его консула и Чаар, чтобы понять, что эти двое уже сформировали крепкий союз.

Император позволил себе на секунду отвлечься и перевести взгляд на собственную жену. Кассия скромно стояла позади верховного жреца и, казалось, совсем не интересовалась ходом переговоров, но Сатор знал, что это лишь иллюзия. Она не была похожа на Чаар и никогда бы не поставила себя на передний план, но едва ли император мог найти советницу лучше. Созданный ею образ позволял собирать ценные сведения среди придворных. При том никто из словоохотливых болтунов даже и подумать не мог, что эта не заинтересованная в государственных делах женщина не только впитывает информацию, подобно губке, но и подвергает ее высочайшему анализу.

Сатор любил ее. Даже когда ближайšie приближенные раз за разом намекали на необходимость выбора новой супруги, способной дать империи наследника, он одаривал говорившего таким взглядом, что тот поспешно затыкал рот, молясь о том, чтобы сохранить на своих плечах голову. Кассия нравилась будущему императору еще с детства. Ее род был куда знатнее его собственного, и потому все ухаживания юноши были тактично отвергнуты. Позднее, когда по обвинению в измене семья Сатора была казнена, имперец поклялся отомстить, но это стало не единственной его мотивацией на пути к будущему величию. Отчасти именно желание обладать Кассией и доказать ее семье свое право восприниматься равным привело его на пьедестал.

– Рада, что нашла в тебе воплощение мудрости, император. Нам стоит объединить наши армии и заставить хаос вернуться туда, откуда он вылез, – воодушевилась Чаар, почувствовав в голосе императора искреннее одобрение.

– Не торопись. Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу принять подобного решения спорах. Допускать рой на территорию империи может быть весьма опасно. Я не говорю о том, что сомневаюсь в твоих намерениях, но вражда между нами была слишком долгой, и за один день ее не забудут. Жителей империи нужно подготовить к тем изменениям, что повлечет наш союз. К тому же никто из нас еще не доказал, что заслуживает полного доверия, – император вежливо приподнял руку, давая понять, что не хотел оскорбить царицу.

– Сейчас не время для недоверия. Я уверена, что император осознает весь масштаб той угрозы, что расцвела на западе. В одиночку империи не выстоять. Уверяю, эти слова не приносят мне удовольствия. Я убеждена, что, если падет империя, в одиночку рой с хаосом тоже не справится.

– Если мой император позволит... Царица уже не раз доказала лично мне, что ей можно доверять. К тому же тот факт, что она осмелилась отправиться в столицу со столь малым отрядом, подтверждает ее благие намерения, – заметил Клетис.

Советник и Безымянный склонились к своему повелителю, шепотом выражая свои точки зрения. Оба пришли к тому, что в нынешних обстоятельствах пропустить рой было бы единственным разумным решением, как ни тяжело это было бы принять.

– Я склонен согласиться со всеми вами, но в столицу рой я не допущу. Надеюсь, мои слова не прозвучат оскорбительно. Царица, твоя армия может пройти на территорию империи. Мой советник передаст вам карты, предписывающие маршрут, по которому должны двигаться ваши силы. Он будет проложен от стены на востоке напрямик к оборонительной линии консула Севериана. Если особи роя будут замечены вне зоны дозволенного перемещения, я буду вынужден воспринять это как акт агрессии. Уже сегодня мы направим гестал, чтобы оповестить стоящие на вашем пути города и поселения, – произнес император после делящейся целую бесконечность для Чаар и Клетиса минуты раздумий.

– Большого я и не прошу. Однако не думай, что я буду готова жертвовать своими детьми, пока империя набирает мощь. Наш вклад в общее дело должен быть равноценен.

– Разумно и справедливо. Необходимость присутствия консула Моруса на стене только что отпала. Его воины сопровождают армию роя и объединятся с Северианом. Легионеры стены

будут обеспечивать порядок и ограждать ваше перемещение от всевозможных проблем. Консул будет отвечать за это своей головой.

– Я немедленно отправляюсь назад и приведу сюда подкрепление, о котором вы не могли и мечтать, – глаза Чаар азартно вспыхнули.

– Вы снова торопитесь, моя царица. Вас я попрошу остаться в столице в качестве добровольной заложницы. Я повторюсь, вражда между нами была слишком долгой, чтобы я в одночасье мог довериться вам целиком и полностью. Этот жест с вашей стороны поможет меня убедить.

– Ваше недоверие оскорбляет меня, но я пойду на ваши условия. Я тоже повторю еще раз: у нас сейчас общие цели.

– Ваша решимость вселяет в меня надежду. Понимаю, что мои слова могли вас задеть, но я отвечаю за слишком большое количество жизней, чтобы позволять себе необдуманные решения.

– Не буду больше отнимать ни минуты вашего драгоценного времени. – Чаар склонилась в глубоком поклоне.

– Клетис, учитывая твои заслуги перед империей, считаю, что ты полностью искупил свою вину. Моим указом ты получаешь обратно свое высокое звание консула и все причитающиеся к нему регалии, – речь Сатора была настолько чиста, что никто не смог бы усомниться в том, что император искренен в своей доброте.

– Ваша щедрость не знает границ! – Клетис склонился так глубоко, как мог, чтобы император не увидел расплывшейся на его лице улыбки.

Сатор подал знак своему советнику. Император спустился вниз к восстановленному в статусе консулу и преподнес тому отнятое у него оружие. Рука Клетиса немного дрогнула, когда он принял тубус с запечатанной в нем молнией.

– Более того. Так уж вышло, что занявший твоё место консул Севериан еще не успел побывать в столице после своего назначения и не вступил в право владения консульским дворцом. Думаю, будет справедливо, если твой старый дом станет принадлежать тебе, как и прежде.

Этого Клетис не ожидал и на секунду даже опешил от радости, едва не забыв о том, что хотел спросить. Император сегодня явно находился в хорошем расположении духа. Однако подобные решения заставляли усомниться в трезвости рассудка Сатора. Император не мог не видеть угрозы, исходящей от возвысившегося до небес консула, и тем не менее словно нарочно помогал ему забраться еще выше.

– Я навсегда запомню этот момент как день, когда мой император одарил меня величайшей радостью. Не хочу показаться наглым, но я бы хотел спросить верховного жреца. Разрешено ли мне будет подняться на вершину Башни бури?

– Ты заслужил это, как никто другой. Безмятный будет ждать тебя ровно через полтора месяца, начиная с этого дня, – ответил за жреца сам император.

Клетис вновь поймал себя на мысли, что не может понять стратегию Сатора. Император был слишком благосклонен к нему. Консул был уверен, что верховный жрец откажет ему, и уже готовил план, как будет использовать эту несправедливость, чтобы подогреть любовь к себе толпы. Император посмотрел на Сатора другими глазами и на секунду начал колебаться в своем зловещем замысле. Перед ним сейчас сидел тот самый, уверенный в себе, воин, за которым он когда-то пошел ради самоубийственной цели.

Консулу хотелось поговорить с ним еще, чтобы получить дополнительные подтверждения собственных наблюдений, но император поднял руку, давая понять, что аудиенция окончена. Клетис приютил посольство роя в своем личном дворце. От него не ускользнуло то, как погрузнели глаза Чаар при первой встрече с прислуживающими в доме эльфами.

Обреченные на вечное унижение, они утратили тягу к жизни, превратившись в идеальных рабов. Большинство из этих несчастных должны были когда-то знать ее мать. В голову

царицы залезла неприятная мысль. Ей как никогда прежде захотелось направить свой рой прямо на поселение дарнау и уничтожить их всех до последнего. Заметив произошедшую с ее настроением метаморфозу, Клетис распорядился свести присутствие эльфов к необходимому минимуму.

Обустроившись на новом месте, царица направилась в покои хозяина дома. Намереваясь обсудить их тайные планы, она пошла к нему одна. Повелительница роя не взяла с собой не только верного Чаар-Тоа-Вал-Готэ, но и новоприобретенную игрушку, которую когда-то звали Хоривом.

Консула она обнаружила принимающим ванну в просторном бассейне. Дно искусственного водоема было украшено изящной мозаикой с изображением двух прильнувших друг к другу возлюбленных. Ничуть не смутившись наготы имперца, царица уселась за небольшой столик и, отщипнув от грозди одну-единственную виноградинку, отправила ее себе в рот. Глаза Сэйн на секунду прикрылись от удовольствия. Никогда прежде она не вкушала чего-то столь же сладкого и сочного.

– Все прошло так, как ты и говорил, – привлекла она к себе внимание вынырнувшего из воды и протирающего лицо руками имперца.

– Даже я не мог рассчитывать на то, что все сложится столь хорошо. Что-то изменилось в Саторе. Должно быть, что-то произошло, пока меня не было. Он снова стал таким, каким я знал его раньше. – Заметив гостью, Клетис прекратил плавать и прислонился спиной к одной из стенок бассейна.

– Звучит так, словно ты вознамерился отказаться от своей мечты. – Чаар сильно не понравилось услышанное.

– Сегодня он выглядел так, будто способен смело и рассудительно противостоять любой угрозе.

Царица встала со своего места и подошла к краю бассейна. На красивую мозаику упало платье, в котором она предстала перед императором. Чаар аккуратно коснулась воды ногой – та оказалась весьма горячей. В отличие от всего остального роя, первые потомки Сэйн относились к воде вполне сносно. Девушка смело спускалась вниз по ступеням, ничуть не смущаясь своей наготы.

Клетис внимательно наблюдал за тем, как она медленно приближается прямо к нему. Ее руки легли на лицо имперца. Желтые глаза изучали собственное отражение в зрачках консула.

– Ты ведь знаешь, что твоя судьба отлична от той, что ждет всех остальных. Консул Клетис не был рожден, чтобы стать чьим-либо слугой. Императорский трон твой по праву достойного. Ты знаешь, что никто лучше тебя не сможет позаботиться об империи. – Сладкие речи царицы заставляли амбиции имперца вновь взять верх над верностью другу и императору.

Чаар видела, что Клетис колеблется. Она подошла еще ближе и склонила голову, едва не касаясь его уха губами.

– Нам с тобой суждено стать королем и королевой нового, единого царства. Неужели ты откажешься от этого? Я не могла ошибиться в тебе. Ты хочешь этого не меньше меня. Вместе мы создадим новый мир. Мир, в котором найдется место для каждого, – прошептала она.

Рука Клетиса невольно потянулась к ней и, коснувшись талии, притянула царицу еще ближе. Теперь пришла очередь его губ щекотать дыханием кончик ее уха.

– Мы сделаем это, когда я встречу с Безымянным. Будет гораздо проще, если я получу поддержку верховного жреца. За это время нам необходимо определить, кого мы можем считать союзниками, – прошептал вернувшийся на тропу предательства имперец.

– Это я и хотела услышать, – Чаар улыбнулась и всем телом прильнула к консулу.

Утром в личных покоях консула их застал смущенный увиденным управляющий дворца. Поборов неловкость ситуации, он сообщил, что весь город кипит от объявленной глашатаями новости. На уточняющий вопрос Клетиса тот молча протянул своему господину одну из рас-

пространяемых листовок. Стоило консулу впервые пробежать глазами по немногочисленным строкам, как ему тут же стали понятны те изменения, что произошли в поведении Сатора. Сегодня Корпакс узнал, что императорская семья ждет наследника. Рука Клетиса сжала клочок бумаги. Отступать от своих замыслов имперец позволить себе уже не мог.

Тем временем далеко на севере, посреди заснеженных пиков гор, Итан Кэрил приступил к своему обучению. Первым делом, он настоял на том, чтобы Вендэль обучил его искусству отделять свою душу от тела. Первородный немного поворчал о том, что это сейчас не самое первостепенное умение, но возражать не стал.

Тренировки не прекращались ни на мгновение. Бессмертным не нужен был сон, они не испытывали чувства голода. Ничто мирское не отвлекало их от поставленной задачи. Вендэль уверял, что в основе всей силы первородных стоит порядок и контроль. Подчинив свой разум и помыслы, можно было освоить ресурс, дарующий невероятную силу.

– Закрой глаза. Почувствуй частицы порядка, пронизывающие воздух. Отныне это твой единственный союзник и главный источник твоих сил. Дотянись до них, пропусти сквозь свою плоть. Дай им возможности пропитать тебя своей энергией, – повторял Вендэль раз за разом.

Кэр злился. Обучение шло гораздо тяжелее, чем он рассчитывал. Одного неисчерпаемого рвения было недостаточно. Требовалось поверить в возможность происходящего, а с верой у аурлийца были натянутые отношения.

Успех пришел к исходу второй недели с момента начала обучения. Абстрактная проекция Кэра смогла покинуть плоть. Аурлийца охватил ужас, когда он увидел собственное тело со стороны. Потеряв контроль лишь на секунду, он вернулся в свою брентную оболочку, но начало было положено. Теперь Итан подходил к делу с тройным усердием. Терпя неудачу в сотый раз, он не сдавался и вновь усаживался в позу для медитации.

К концу третьей недели он уже уверенно расставался с окружающим миром, переходя в мир духов. Абстракция Вендэля каждый раз сопровождала его в путешествии.

– Здесь ты можешь повелевать своим телом так, как тебе угодно. Все ограничения выстроены лишь твоей фантазией, – первородный подошел к краю пропасти и шагнул в пустоту.

Вопреки ожиданиям он не провалился вниз, а остался балансировать в воздухе. Слегка приподняв ногу, Вендэль поднялся еще выше, словно взбираясь по невидимой лестнице. Первородный протянул руку, предлагая следовать за ним. Призрачная рука никак не могла поддерживать аурлийца, но этот жест отчего то придал ему сил и уверенности.

– Сейчас ты ничто. Представь себя мельчайшими каплями влаги, способными просочиться сквозь любой, самый плотный предмет, – едва Кэр услышал голос первородного в голове, как тот демонстративно прошел сквозь скалу.

Аурлиец приблизился к внешней стороне пещеры и положил руку на горную породу. Он простоял так до самого вечера, пока его ладонь не смогла провалиться сквозь камень и выйти внутри их обиталища.

– Получилось! – радостно воскликнул Кэр и не услышал своего собственного голоса.

Его слова автоматически транслировались в голову того, кому предназначались. Вендэль расплылся в радостной улыбке, довольный успехами своего ученика. На следующий день Кэр решил отправиться в свое первое путешествие. Первородный прекрасно понимал, кого намеревается посетить его протеже, но останавливать не стал. Он лишь попросил его поторопиться, не трата слишком много драгоценного времени.

Кэр воспарил высоко над землей, чувствуя невероятную легкость. Ломая все законы, коим подчинялся этот мир, он полетел на юг. В глубине души он понимал, что ему стоит первым делом двинуться в Корпакс, но сердце само направляло его путь. Когда под ним появилась водная гладь Внешнего моря, он не удержался и спустился совсем низко, едва касаясь носками

своих ботинок водной глади. Призрачная сущность не влияла на происходящее в реальном мире, и море оставалось таким же безмятежным.

Спокойствие морского царства было не вечным. На середине пути Кэр стал свидетелем шторма. Он задержался на минуту, чтобы полюбоваться красотой неподвластной человеку силы стихии. Пролетев сквозь величественную волну, аурлиец вновь набрал высоту. Вскоре на горизонте появились горы Шовбура. Где-то там, далеко на севере большого континента, в его настоящем теле сильнее застучало сердце.

Итан свернул на юго-запад после того, как увидел под собой огни ночного Монтпика. Срезав угол через Внутреннее море, он оказался в родном герцогстве Корд. До столицы герцогства аурлиец не добрался, остановившись у входа в свое родовое поместье. За спиной дремало хорошо знакомое поле, усеянное подсолнухами.

Аурлиец замер, поймав себя на мысли, что рефлекторно потянулся к калитке, чтобы ее открыть. Его эфемерному телу этого вовсе не требовалось, но человеческие привычки, вырабатываемые годами, нельзя было искоренить в один момент. В окнах усадьбы отражался свет от камина.

Кэр собрался с силами, прежде чем войти в дом. Здесь он сразу ощутил тот уют, которого ему не хватало. Сирина и Артур были в гостиной. Итан несказанно обрадовался, увидев, что они не спят в столь поздний час. Сирина сидела в кресле у камина, а маленький мальчик ползал по теплому ковру у ее ног. Аурлиец подошел к древней и, опустившись на колени, коснулся ее руки.

Как и ожидалось, никто из них ничего не почувствовал. Итан встал и, сделав несколько шагов назад, сел в соседнее кресло. Он молча наблюдал, как вдали от него проходит его жизнь. На лице Сирина читалась усталость, но она все еще сохранила свою естественную красоту. Девушка была глубоко погружена в свои мысли.

Маленький Артур зацепился за кресло и, опираясь на него, поднялся на ноги. Пошатываясь, он делал одни из первых шагов в этом опасном мире. Засмотревшись в пламя камина, Сирина не заметила этого мгновения. Артур шел прямо на Кэра, словно видя своего отца. Один шаг, за ним другой. Мальчик не удержал равновесия и повалился вперед.

Кэр рефлекторно вскочил со своего места, пытаясь подхватить его, но тот лишь прошел сквозь него, упав на ковер. Плач заставил древнюю выйти из состояния глубокой задумчивости. Взяв ребенка на руки, она понесла его в спальню. Итан последовал за ними. Сирина долго успокаивала ребенка, прежде чем тот уснул.

Аурлиец лег рядом с ними и пролежал до самого рассвета, пока не ощутил, как что-то потянуло его вверх. Больше всего на свете он хотел почувствовать присутствие близких своей кожей, но Вендэль заставлял его вернуться обратно. Яркая вспышка – и когда Кэр вновь открыл глаза, перед ним уже вновь были горы, покрытые снегом.

– Я подумал, так будет быстрее, – спокойно сказал первородный.

– Слишком рано! Я еще не сделал всего, что хотел! – обозленный аурлиец вскочил со своего места.

– Осторожнее, ты слишком сильно поддаешься эмоциям. Пока ты не взял их под контроль, тебе стоит держаться подальше от тех, кто способен заставить тебя их проявить, – также спокойно ответил Вендэль.

Только сейчас Кэр понял, что его слова вновь не сотрясали воздух. Прогресс в обучении позволил ему освоить этот дар богини Гадейн в рекордные сроки. Вендэль самодовольно улыбнулся, уловив, что его подопечный наконец-то это осознал.

– Лучшее, что ты можешь сделать для них, это научиться контролировать свалившуюся на тебя силу, – примирительно поднял руки первородный.

– Ты прав. Прости мне мою импульсивность. Я просто скучаю по дому, – согласился Итан.

– Что ж, тогда постараемся сделать все, чтобы ты мог в него вернуться. Пора посмотреть, как ты способен управляться с тем хаосом, что заточен в медальонах, висящих у тебя на груди, – улыбнулся Вендэль.

Первый эксперимент прошел весьма неудачно. Поток хаоса едва не снес один из пиков гор и чуть не убил первородного. Вендэль терпеливо потер руки, посчитав, что впредь будет взаимодействовать со своим учеником исключительно в астральной форме. Им двоим все еще предстояло много работы.

Глава 3. Час отмщения

Мистер Мерфи хотел уйти незамеченным, но его планам, как, впрочем, и многим другим, сегодня не суждено было сбыться. С того момента, как он поселился в доме Га-либа, прошло уже почти полтора месяца. Раз за разом он спускался в мрачные подвалы особняка монстра и до боли в суставах оттачивал свои боевые навыки.

В день, когда дуэлянт решил, что время пришло, стояло прекрасное утро. Солнечные лучи пробивались через окна зловещего дома, словно рассеивая ту темную ауру, что излучал каждый предмет, входящий в перечень собственности каннибала. Эйден спустился на первый этаж и застал Га-либа стоящим у окна. Хозяин вежливо кашлянул, давая понять, что заметил аурлийца.

– Я ждал достаточно долго, Га-либ. Союз между северянами и южанами укрепился. Рой уже под стенами столицы и продолжает движение. Никто не будет сильно горевать, если жизнь консула оборвется раньше положенного срока. Сегодня я точно знаю, где смогу его найти.

– Думаю, мы знаем друг друга достаточно долго, чтобы ты научился меня понимать. Я не собираюсь тебя отговаривать. Просто хотел предложить тебе уйти тем же путем, что и твои товарищи, а не идти напролом через главную дверь.

– Пойдем со мной. Тебе незачем оставаться здесь одному. Я на собственной шкуре ощутил, какой ты в деле. Твоя помощь мне точно не помешает. – Мистер Мерфи невольно коснулся изуродовавшего его лицо шрама.

– Это мой дом. Я живу в нем не первую сотню лет. Эти камни мне дороже жизнью многих знакомых. Нет, я останусь. Не хочу, чтобы имперцы перевернули здесь все вверх дном, копаясь в моих вещах. Пока я жив, этого не будет. К тому же кто-то же должен продолжать играть спектакль для наших друзей лантов. Без меня они быстро поймут, что дом опустел.

– Спасибо тебе, Га-либ. Ты, конечно, то еще чудовище и при первом знакомстве не вызвал у меня симпатии, но я рад, что заблуждался. Надеюсь, мы еще увидимся, – улыбнулся аурлиец.

– Не думаю, – Га-либ крепко пожал протянутую руку.

Когда спустя мгновение смысл сказанных слов дошел до занятого сборами Эйдена. Он на секунду остановился и заглянул в глаза монстра, чтобы убедиться, что не ошибся в своей догадке по поводу того, к чему тот клонит. Получив в ответ лишь невозмутимый взгляд, мистер Мерфи позволили себе ухмыльнуться.

– Понял тебя. Позаботься об остальных. – Эйден мальчишески хлопнул Га-либа по плечу и, повернувшись к нему спиной, направился в сторону подвала.

Исчезая в потайном тоннеле, он старался не думать о том, что увидел монстр, вкусив его плоти. Едва каннибал успел повесить закрывающую лаз картину обратно, как раздался стук в дверь. У Га-либа сразу возникли сомнения в том, что это ланты. Стражи вряд ли стали бы обременять себя вежливым стуком, а скорее просто вышибли бы ее напроочь. Распахнув дверь, хозяин увидел на пороге своего дома Рэджинальда Хольта и не сдержал смеха. Краем глаза он засек с десяток лантов, сливающихся с местностью по периметру площади.

– Присутствие в моем доме аурлийцев становится доброй традицией, – ощутив внимательные взгляды стороживших его дом служителей порядка, он махнул рукой, пропуская гостя в дом.

Капитан выглядел скверно. Отросшая борода, длинные грязные волосы, ветхие одежды и выражение усталости в глазах составляли портрет человека, преодолевшего долгий путь в абсолютном одиночестве. Несколько пальцев на руках были покрасневшими и немного разбухшими – последствия долгого спуска с гор и полученного обморожения.

– Где остальные? – с ходу спросил аурлиец, когда понял, что в доме только они вдвоем.

– Ты разминулся с мистером Мерфи буквально на секунду. Как нельзя кстати, на мой взгляд. Должно быть, твой приход поможет ему скрыться от наблюдателей. Хотя приди ты на мгновение раньше, и кто знает, может, спас бы его жизнь. По крайней мере, изменил обстоятельства его смерти, – тяжело вздохнул Га-либ.

– Я спешил как мог. Вряд ли кто смог бы преодолеть это расстояние в такие короткие сроки. Что с Хоривом? Мне нужно ему кое-что сообщить.

Монстр на секунду замялся, заставив капитана нервничать. Он молча прошел в зал и начал разливать вино по кубкам. Почувствовав на себе моментально посерьезневший взгляд аурлийца, второй кубок он наполнил водой. Хольт жадно припал к чаше и не успокоился, пока не осушил ее полностью.

– Так что с ним? Говори, я не какой-нибудь юнец и выдержу любую правду, – потребовал Рэджинальд.

– Ты помнишь то ранение, что нанесла юноше Сэйн?

– Да. Мы тогда думали, что Хорив находится на грани жизни и смерти, но все, кажется, обошлось. Я же собственными глазами видел, как затянулись раны, – удивился Хольт.

– Тогда она не ставила цель убить его, скорее, сделать своим верным слугой. После того, как вы ушли, он уже больше не мог сдерживаться. Сущность роя взяла верх над человечностью. Теперь он лишь покорная его часть. Что случилось с Норрингтоном? Раз его нет с тобой, могу предположить, что он...

– Мертв. Погиб в битве с Лотэйром, но нам удалось то, что мы задумали. Гримуар превратил Итана в первородного. Кэр и Вендэль остались, чтобы освоить ту силу, что могут дать медальоны, – закончил за монстра Хольт.

– Ясно. Жаль, мне нравился Джонатан. От него пахло смертью, – печально произнес Га-либ, поднимая кубок в знак уважения.

– Куда ушел Эйден? – спросил капитан, уже догадываясь о сути ответа, что ему предстояло услышать.

– Мистер Мерфи живет одной целью. Сегодня, в день, когда консул Клетис отправится на встречу с верховным жрецом, он надеется ее достичь. Вполне разумно. Имперцу придется покинуть линию Публия, а значит, он будет не так защищен, как прежде. Аурлиец ухватился за эту возможность.

– Что с Дунканом и Ингрид? – капитан боялся задавать этот вопрос, ведь ответы на все предыдущие его не порадовали.

– Ушли, едва мы прибыли в город. Сейчас они скрываются в бывшем здании посольства отступников. За моим домом следят, мистер Мерфи помечен печатью врага самого консула. Оставаться рядом с нами было слишком большим риском. Штурман и очаровательная Ингрид сейчас пытаются заполучить корабль, чтобы вернуться в Аурлию.

– То что нужно. Я отправлюсь вместе с ними. Нарисуй карту, чтобы я мог их найти, – попросил аурлиец.

– Не торопись. Сперва стоит привести тебя в порядок. От тебя разит на целый квартал. Ты привлекаешь слишком много внимания. Уйти незамеченным в таком виде тебе не удастся.

Спорить капитан не стал. Приняв ванну, обрезав волосы и гладко побрившись любезно предоставленными Га-либом инструментами, гость вновь предстал перед хозяином. За то время, что он провел в попытке отмыть въевшуюся грязь, монстр подобрал подходящие под размер капитана одежды. Хольт был куда менее прихотлив, нежели Ингрид, и без малейших колебаний принял костюм мертвеца.

– Совсем другое дело. Теперь тебя не стыдно отпускать из моего дома, – оскалился при виде случившегося преобразования Га-либ.

Хольт прицепил оружие на пояс. За спину он спрятал небольшой сверток. Поверх аурлиец накинул плащ, чтобы как следует скрыть свое вооружение.

– У меня плохое предчувствие, капитан. В скором времени произойдет нечто очень скверное. Будет много смертей. К этому времени вам лучше успеть покинуть город.

– Учту, – сдержанно ответил Хольт, принимая небольшой клочок бумаги, на котором Галиб изобразил местонахождение Ингрид и Грина.

Аурлиец ушел тем же путем, что и все его предшественники. Чтобы отвлечь внимание стражей, монстр вышел на улицу, делая вид, что намеревается прогуляться по городу. Галиб наконец остался один. Всю свою долгую жизнь он любил проводить время в одиночестве, но в этот раз не испытывал того же удовольствия, что обычно.

– Неужели ты привязался к ним? Как глупо, ни к чему хорошему это тебя не приведет, – говорил сам с собой монстр, сворачивая на одну из многочисленных улочек Корпакса.

Спиной он чувствовал взгляды идущей за ним стражи. Ощущение прикованного к нему внимания напомнило Га-либу, что он не на прогулке и необходимо отыгрывать отведенную ему роль. Остановившись у единственной лавки, продавец которой не бежал при первом его появлении, он накупил еды на пятерых вымышленных обитателей его дома. Печально, но никто, включая самого хозяина особняка, к приобретенному ужину так и не притронется.

Консула Клетиса охватила подступившая волна переживаний. Он приподнял руку и почувствовал, как подрагивают его пальцы. Все проведенное в столице время он только и делал, что искал союзников для того преступления, что намеревался совершить. Встретиться с сильными мира сего, не вызывая особых подозрений, оказалось не так уж и трудно. Множество знатных семейств желало принять в своем доме царицу роя. Когда за столом оставались только те, кому Клетис рассчитывал довериться, приходило время интриг и заговоров.

Каждый раз начинавшийся крайне аккуратно диалог в конечном итоге переходил в обсуждения постов и должностей, что получают заговорщики в том случае, если окажут поддержку. Для консула все складывалось максимально удачно. Он сделал верную ставку, сыграв на неудовлетворенных амбициях тех, кто считал себя обделенным вниманием нынешнего императора. Даже если половина согласившихся с ним соотечественников в последний момент дрогнет, у него все равно останется достаточно сил для переворота.

Чаар всеми силами старалась контролировать скорость перемещения роя, чтобы к назначенному дню тот оказался у стен столицы. Клетис хотел, чтобы в момент истины поддержавший его первым Морус был в городе. К тому же легионы стены могли сыграть ключевую роль в самый решающий момент. Наиболее влиятельные главы кварталов были на стороне Клетиса, готовые начать действовать по его сигналу.

Чаар самолично помогала консулу облачиться в торжественный наряд, подобающий такому случаю. Сегодня он должен был взойти на вершину Башни бури. Изучив собственное отражение в высоком зеркале, Клетис оказался доволен. Покинув покои, он спустился в подвал, чтобы еще раз убедиться в том, что первая фаза плана прошла без замешательств.

В полумраке освещенного лишь редкими факелами тоннеля он разглядел множество фигур. Дюжина вооруженных до зубов имперцев охраняла два десятка пленников. Узники стояли на коленях, а головы покрывали скрывающие лица мешки. Клетис подошел к одному из них и резким движением потянул ткань вверх. В окружавшей их темноте на него уставились горящие презрением глаза ялга. Тот наверняка не поскупился бы на ругательства, но рот его был заткнут кляпом.

По тайному приказу консула этих ялгов отлавливали по всему городу каждую ночь всю прошедшей недели. Вчера их скрытно переправили в самое сердце столицы. Клетис перевел взгляд, чтобы изучить сваленное в стороне оружие. Убедившись, что все детали его волеизъявления исполнены в точности, как он и рассчитывал, консул поблагодарил верных ему имперцев. Натянув мешок обратно на голову ялга, он молча покинул подвал.

Клетис уже собирался покинуть свой дворец, но царица ухватила его за руку. Он знал, что она скажет, но все же нуждался в поддержке и потому не остановил.

– Сегодня наш день. Мы вершим историю. Не вздумай отказаться от своих помыслов, – ее желтые глаза горели огнем предвкушения.

– Я сделаю то, что должен. Тебе не стоит переживать еще и об этом, – успокоил ее имперец.

Несмотря на то что путь от дворца консула до Башни бури занимал не более десяти минут, направиться напрямиком к святыне ему не позволяли традиции. Прежде чем потревожить своими сандалиями великие ступени, ему предстояло пройти путь паломника, хорошо известный всем жителям столицы. Именно этим моментом намеревался воспользоваться мистер Мерфи.

Глава 4. День священного сна

Аурлиец и отступница увлеченно обсуждали последние дошедшие до них слухи о ситуации на рубеже Севериана, когда услышали стук в дверь. Они одновременно вздрогнули, так как были уверены, что, по мнению горожан, дом был давно заброшен.

– Мародеры? – Грин схватился за меч.

– Эти обычно не стучат, – здраво отметила Ингрид.

Аурлиец приставил меч к стене у двери, а в руку взял кинжал, спрятав его за ручкой в виде распахнувшего свою пасть льва. Отступница спряталась за углом, положив стрелу на тетиву своего лука. Грин обернулся на нее, чтобы убедиться, что она готова, и только после этого приоткрыл дверь.

– Я уже начал думать, что заблудился, – улыбнулся стоящий на пороге Рэджинальд Хольт.

Грин улыбнулся в ответ и, не произнеся ни слова, кивком головы предложил другу войти. Ингрид покинула свое укрытие, ослабив натяжение лука.

– Га-либ сказал тебе, где нас искать? – спросила отступница.

– Он самый. – Дункан и Хольт несколько секунд молча смотрели друг на друга, после чего крепко обнялись.

Усевшись за стол, они быстро пересказали друг другу события, произошедшие со времени их расставания. В память о Джонатане Норрингтоне были подняты кубки. Грин рассказал, что им так и не удалось раздобыть корабль, однако до них дошел слух о том, что на побережье была замечена необычная шхуна.

– Три мачты, три палубы, весла, опущенные в воду. Флаг, не известный местным жителям, – воодушевленно затараторил Дункан.

– «Последний шанс»! – заразился его энтузиазмом капитан.

– Вне всяких сомнений. Ни имперцы, ни старший народ подобных кораблей никогда не строили, – подтвердила Ингрид.

– Вам стоит отправиться туда немедленно, – приказным тоном сказал Хольт.

– А ты? – удивился штурман.

– Я должен встретиться с Хоривом. Я не прощу себе, если позволю ученику Джонатана остаться чужой марионеткой.

– Ты не видел его. Обратного пути уже нет. – Грин опустил взгляд, стыдясь того, что не смог помочь другу.

– И все же я попробую, а вы отправляйтесь за кораблем. Если я не успею, не ждите меня. Время играет против нас.

– Мы слишком многих потеряли, чтобы разделяться. Отправимся вместе. К тому же мы все равно вынуждены дожидаться ночи. Стоит Ингрид показаться на улицах при свете дня, и нас тут же задержат.

– Значит, покинем город ночью, после того как я вернусь.

– Хорив теперь всегда рядом с Чаар. Ее личная игрушка. Они наверняка будут сопровождать консула во время его шествия, – заметила Ингрид.

– Если я не вернусь, идите без меня. – Капитан встал из-за стола.

– У меня плохое предчувствие, Рэджинальд. – Грин не хотел отпускать друга.

– Как и у Га-либа. Доверяю вашему чутью. Я буду осторожен, обещаю! – Хольта тронула забота товарища.

– Он вернется, – успокоила отступница своего возлюбленного, когда тот закрыл за капитаном дверь.

Наступил день. Мистер Мерфи не ожидал, что посмотреть на консула соберется такая толпа. Пробриться в первые ряды не было никакой возможности. Эйден с трудом заглушил закипающую в нем ярость. Взобравшись на постамент высокой статуи одного из героев империи прошлого, он вместе с другими зеваками был вынужден беспомощно наблюдать, как император вышел из врат, скрывающих за собой линию Публия.

Клетиса окружало четыре телохранителя, держащихся на почтительном расстоянии. Тем не менее было видно, что дело свое они знают. Кроме того, в первых рядах аурлиеца заметил несколько наблюдателей, чье поведение разительно отличалось от того, что демонстрировало большинство пришедших сюда сегодня горожан. Эйден готов был поспорить, что часть охраны консула намеренно смешалась с толпой, чтобы обеспечивать безопасность своего господина.

За спиной облаченного в прекрасный доспех императора появилась повелительница роя в сопровождении Хорива и Чаар-Тоа-Вал-Готэ. Перебегая от одной точки к другой, аурлиеца так и не смог найти идеального места, чтобы совершить свою месть.

В середине пути произошло то, чего дуэлянт ожидал в последнюю очередь. Дождавшись, когда консул пройдет вперед, из рядов зрителей вышел человек, оказавшийся лицом к лицу с Чаар. Мистер Мерфи сразу же заметил, как пара стоящих в толпе лантов потянулась к мечам. Увлеченный паломничеством консул продолжал идти вперед, так и не заметив исчезновения своей царицы. Ланты поспешили выйти из толпы, но Чаар остановила их поднятой рукой, давая понять, что все в порядке.

– Отпусти его! – За гулом толпы слова капитана слышали только те, кому они предназначались.

– Я думала, мы уже прошли через это с мистером Грином. Хорив останется со мной, и другому не бывать.

– Ты можешь уйти прямо сейчас со мной. – Капитан с трудом узнавал в этом существе своего товарища и ученика друга.

– Моя царица уже дала тебе ответ, – спокойно отозвался утларг, буравя аурлиеца пустым взглядом.

– Меня он не устраивает. – Хольт откинул плащ и вытянул меч.

Чаар устало закатила глаза. Махнув двумя пальцами, она, словно потянув за нити, заставила юношу выйти вперед.

– Я прошу вас отступить, капитан. Став частью роя, я обрел ту силу, что вам и не снилась. В честном бою вам меня не одолеть.

Наблюдавший за всем происходящим Эйден боролся с желанием помочь Хольту, но жажда мести заставила его остаться в стороне. Хорив теперь действительно двигался гораздо быстрее возможностей обычного человека. Мечи схлестнулись, и аурлиеца сразу же был вынужден отступить. Заметившая неожиданное зрелище толпа возликовала.

Через две минуты боя утларгу удалось выбить оружие из рук своего противника. Хольт упал на спину, больно ударившись подставленными локтями о брусчатку. Острие длинного изогнутого меча остановилось у его горла.

– Блестяще, мой дорогой. Убей его. – Улыбка не исчезала с лица Чаар все то время, что шла их маленькая дуэль.

Хольт смотрел прямо в глаза древнему. Хорив не спешил исполнить приказ. Аурлиеца почувствовал, как дрожит клинок в руках его палача.

– Тебе не обязательно это делать. Ты свободен в своей воле, – равнодушно проговорил капитан.

– Ты получил приказ. Исполни! – царица повысила голос, удивленная непокорностью своего слуги.

Острие клинка коснулось шеи аурлиеца, Хольт даже не отпрянул. Он все так же продолжал смотреть только в глаза павшего.

– Джонатан умер, Хорив. Я рад, что он не увидит того, что с тобой стало. – Капитану показалось, что глаза утларга увлажнились.

– Хватит тянуть. Убей его сейчас же! – не сдавалась Чаар, усиливая силу своего влияния на юношу.

Мистер Мерфи не разделял уверенности капитана в том, что в Хориве осталось хоть что-то от человека. Найдя в толпе группу диарков, он пробился к ним и со всей силы заехал одному из них по лицу. Переполошившиеся диарки, не разобравшись в ситуации, начали задирать всех, кому не повезло оказаться поблизости. Завязалась массовая драка, прорвавшая оцепление и отделившая Хорива от его повелительницы. Охрана под руководством Чаар-Тоа-Вал-Готэ столпилась вокруг своей царицы, убивая любого, кто рискнул приблизиться на расстояние вытянутого меча.

– Как он умер? – спросил древний, срубив голову напавшему на него диарку и отрезав желание приближаться у остальных.

– В бою с Лотэйром. Он дрался не хуже самого покровителя воинов. Джонатан не говорил этого, но мы чувствовали, что он до последнего жалел, что оставил тебя. Он не желал бы для тебя такой участи. – Капитан поднялся и сейчас стоял прямо перед юношей.

– Кэр?

– Жив. Джонатан спас всех нас, пожертвовав собой. Пойдем со мной, твое место рядом с нами.

– У меня теперь иной путь, капитан. Вам лучше бежать, пока есть возможность, – в глазах Хорива промелькнула человеческая эмоция.

Капитан завел руку за спину и достал сверток. Вокруг творился настоящий хаос. Ланты пытались утихомирить беспорядки, но те приняли неожиданно большой масштаб. Чаар-Тоа-Вал-Готэ удалось увести царицу из эпицентра творящихся беспорядков, но он все еще чувствовал исходящую от неконтролируемой толпы угрозу.

– Думаю, Джонатан хотел, чтобы он оказался у тебя, – передав сверток, капитан скрылся в толпе.

Стоявший посреди бойни Хорив откинул кусок материи. В руке у него лежал кинжал наставника, заменившего ему отца. По щеке сбежала одинокая слеза. Спрятав оружие, древний вернулся, чтобы помочь своей королеве.

Эйден бежал, чтобы нагнать консула. Толпа была такой плотной, что подобраться к нему все еще было невозможно. Лишь в самом конце пути, когда Клетис подошел к очередным воротам, в плотном скоплении существ появилась брешь.

Время остановилось для аурлийца. Он больше не слышал шума толпы – лишь биение собственного сердца. Убийца глубоко дышал, пытаясь унять охватившую его дрожь. Двадцать метров. Мистер Мерфи оттолкнул врезавшегося в него хорта. Пятнадцать. Эйден раскрыл ладонь, и из рукава в нее спустился метательный нож. С этого расстояния у него были шансы достать до имперца.

Консул терпеливо дождался, пока встречающий его жрец закончит свою приветственную речь. Самодовольное выражение лица имперца заставило аурлийца вскипеть из-за охватившей его волны ярости. Холодная сталь приятно лежала на ладони. Еще несколько шагов – и рука пришла в движение, намереваясь свершить правосудие. Эйден почувствовал, как его кисть сжала чужая лапа, а через секунду прямо перед ним возник ялг.

– Не сейчас. Ты только зря отдашь свою жизнь. Видишь тех телохранителей? Каждый из них способен отбить стрелу в полете, – прошептал неизвестный.

– Отпусти меня! – Мистер Мерфи попытался высвободить руку, но ялг держал крепко.

– Если действительно жаждешь смерти консула, приходи сегодня вечером в закрытый трактир «Эльфийская песнь» у рыночной площади. Там ты найдешь единомышленников.

Аурлиец наконец вырвался из железной хватки, но было уже поздно. Силуэт консула исчез за окружавшими башню стенами. Его новый знакомый ловко растворился в толпе. Нож вернулся в свой тайник, дожидаясь лучшего часа.

Через полчаса Клетис оставил свое оружие на нижней ступени Башни бури. Подъем оказался так же тяжел, как и в первый раз. Имперец хорошо помнил, как всю последовавшую за обрядом инициации неделю болели мышцы ног. Отсчитывая ступень за ступенью, консул убеждал себя в благости собственных намерений. На последнем повороте он задержался, чтобы восстановить дыхание. Под ним был город. Его город. Внизу можно было разглядеть все детали императорского дворца.

«Завтра. Уже завтра он может стать твоим», – говорил сам с собой Клетис, делая ставку на собственные амбиции, окончательно перевесившие чашу весов в борьбе между совестью и жаждой власти.

Безымянный ждал его в окружении своей свиты. С десятков жрецов почтительно склонились перед гордостью империи. Понимая, что предстоящий разговор не предназначен для лишних ушей, владыка предложил консулу продолжить беседу в своих личных покоях. Едва имперец закрыл за собой дверь, жрец обернулся на гостя и уставился на того долгим изучающим взглядом.

– Не отнимай мое и свое время, Клетис, сын Протора. Говори прямо и без утайки. Ты ведь пришел ко мне с конкретной целью? – спросил старец после того, как прочитал свою отработанную годами восхваляющую тираду, посвященную триумфу героя имперского народа.

– Я вознамерился совершить ужасные вещи ради высшего блага. Сегодня я убью императора.

Даже пронизательный и всезнающий Безымянный не ожидал такого резкого признания. Старик закашлялся и вышел на личный балкон. Клетис последовал за ним. Реакция жреца не вселяла надежды на осуществление его замысла. Заняв место рядом с Безымянным у края пропасти, Клетис даже подумал о том, чтобы скинуть старика вниз прямо сейчас.

– Отбросим эти игры. Я уверен, что ты, как и я, видишь, что с нашей империей что-то не так. В последние годы ее слабость стала особенно очевидна. Сатору не справиться с нависшей угрозой.

– Я живу достаточно давно, чтобы помнить, что ты был одним из тех, кто еще не так давно привел этого самого императора к власти. – Довольный тем, что подловил Клетиса, жрец не сдержал едва заметной улыбки.

– Я ошибся тогда. Вернее сказать, тогда это было лучшим из решений. На какое-то время Сатор действительно являлся тем, кто был нужен империи, но сейчас его запас полезности исчерпан, – откровенно признал консул.

– Почему ты так уверен, что не ошибаешься сейчас? Сатор не так глуп, как ты думаешь, и читает тебя, как открытую книгу. Ты еще не прибыл в столицу, а он пришел ко мне, предугадав твои замыслы.

– Я просто знаю, что справлюсь лучше него. Народ любит меня, а слава императора давно склонилась к закату.

– У него будет наследник. Что ты намерен сделать с семьей Сатора?

– Ты знаешь историю нашего мира. Слабость и сострадание никогда не приводили ни к чему хорошему. Сохрани я им жизни, и, возмужав, наследник заявит о себе. Всего лишь еще одна жертва ради моей империи. Уверю, никто не будет оплакивать их судьбу больше меня, но что есть мои чувства и совесть, когда речь идет о благополучии сотен тысяч?

– Молодой консул вобрал в себя все пороки и добродетели нашего народа, приумножив их многократно. Никто не может быть уверен в том, что будет хорошим правителем, до тех пор пока не столкнется со всеми проблемами власти. Поверь мне, Сатор тоже думал, что его правление будет эпохой расцвета.

– Жрецы поддержат меня? – громко и четко произнес Клетис, не давая жрецу утонуть в философских рассуждениях.

– Нет. Я вижу в тебе тьму. Эта тьма будет преследовать тебя до конца твоих дней и в конечном итоге коснется не только тебя. Вне всяких сомнений, империя при твоём правлении возвысится как никогда прежде, но ценой этому будут страдания большинства народов, населяющих наш мир. Огонь в душе Сатора давно потух, но обретенное хладнокровие стало тем фундаментом, на котором зиждется все живое.

Клетис закусил губу. Он не сильно рассчитывал на помощь этого старого надменного хрыча, но все же с его поддержкой можно было бы не опасаться чрезмерных волнений среди имперцев.

– Я совершаю это из лучших побуждений, верховный. – Консул прикрыл глаза, собираясь с силами для того, что он намеревался сделать.

– Именно так рассуждали большинство тиранов, получивших свою власть силой, молодой Клетис. Прошу тебя, отступись, пока не поздно, – в голосе Безымянного действительно звучала искренняя мольба.

– Слишком поздно. Я уже принял решение.

– Значит, я буду вынужден сообщить о твоей измене императору, – железные нотки не оставляли сомнений в твердости намерений говорящего.

– Ходят слухи, что ты одарен даром предвидения. Если это правда, то с тех пор, как ты произнес свой ответ, должен был знать, что не покинешь этой комнаты.

Верховный жрец вскинул взгляд, чтобы посмотреть в глаза консула, в которых прочитал вынесенный ему приговор. Он слишком долго ощущал свое превосходство над всеми остальными, и сейчас ему потребовалось время, чтобы смириться со своей смертью. Никаким даром предвидения он, разумеется, не обладал, но и ходящие по городу слухи благоразумно не развенчивал. Он просто был очень стар и не менее мудр, что давало ему возможность видеть больше остальных.

– Значит, ты действительно готов идти до конца. Жаль, что ты избрал неверный путь. С твоим рвением, иди ты в правильном направлении, мог бы стать величайшим из нас, – мрачно проговорил Безымянный, в последний раз любуясь раскинувшимся у его ног городом.

– Я уважаю тебя, жрец. Поэтому не буду мешать, если тебе надо подготовиться, но поторопись. Сегодня у меня много дел.

– Моя жизнь была достаточно долгой и дала мне возможность позаботиться обо всем, что я хотел. Делай что считаешь должным, но не сожалей потом о содеянном, – на лице старика промелькнула печальная улыбка.

Сильные руки Клетиса легли на лицо Безымянного. Жрец смотрел на него глазами, читающими его душу. В сердце имперца шла последняя схватка. Притянув старика к себе, он поцеловал его в лоб. Консул опустил веки, а подняв, на секунду отпрянул. Ему показалось, что перед ним стоит Кара. Имперец моргнул еще раз, и видение исчезло. Снова – надменно улыбающийся старик. Клетис свернул ему шею одним движением. На небе сверкнула невероятная по мощности молния.

Поймав повисшее тело, он внес его обратно в комнату и уложил на кровать. Обратным движением он ввернул голову в исходное положение. Все должно было выглядеть так, словно старик умер во сне. Имперец просидел рядом с телом около получаса, пытаясь унять охватившую его дрожь. Теперь пути назад не было. Имперский трон – или отрубленная голова, и Клетис точно намеревался сохранить ее на плечах.

Покинув личные покои старика, консул сообщил жрецам, что Безымянный просил не беспокоить его до самого утра. Спускаясь, Клетис обратил внимание на небывалое количество молний. Разбушевавшаяся стихия словно устроила реквием по своему слуге. Клетиса повело, и он склонился со ступеней над пропастью, с трудом сдерживая рвотные позывы. Внизу

консула встретили его люди и выбравшиеся из беспорядков представители роя. Вечером их ждал торжественный пир во дворце императора.

Глава 5. Вечер изменившихся судеб

Капитан Хольт стоял у двери посольства отступников и долго не решался постучать. Выглядел он изрядно потрепанным, но все же живым. Его пугала та неестественная тишина, что охватила город. В небе кружило множество птиц, но ни одна из них не издавала ни звука. По пути сюда он встретил стаю крыс, бегущих в сторону линии Тибериуса. Несмотря на свой род деятельности, Рэджинальд никогда не верил в предчувствия или знаки. И тем не менее сегодня он явственно ощущал, что произойдет нечто ужасное.

Каждая частичка его тела кричала о том, что это место надо покинуть как можно скорее. Постаравшись вернуть ясность своему сознанию, он вошел в дом. Уходить по-прежнему решили ночью. Рэджинальд рассказал Грину и отступнице о своей неудачной попытке вернуть Хорива. Однако капитан настаивал на том, что в их старом друге осталась частица того самого человека, которым он был прежде.

Найдя обозначенный ялгом трактир, мистер Мерфи целый день просидел в таверне напротив, изучая тех, кто входил и выходил из «Эльфийской песни». Все они без исключения принадлежали к народу ялгов. Манера их поведения не оставляла сомнений в том, что за заколоченными дверями творится нечто незаконное.

Аурлиец злился на остановившего его ялга, но раз за разом пытался себя успокоить. В конце концов, пусть сегодня он и потерпел неудачу, по крайней мере ему удалось найти единомышленников. Новые сторонники должны поддержать его в деле убийства консула. Если, разумеется, они не являются его агентами и дневное приглашение не ловушка, целью которой является попытка распутать клубок предположительного заговора против имперца.

Сидящий в кресле Га-либ подбрасывал лепестки засохших трав в кипящий котел. Он, как и капитан, ощущал грядущий ужас, но, в отличие аурлийца, за свою долгую жизнь научился доверять собственным чувствам. Зловещие предзнаменования заставляли его голову раскалываться от боли. Проверенный отвар должен был снять симптомы, но монстр знал, что корень переживаний он вырвать не способен. Ланты по-прежнему окружали его дом. Закатные лучи солнца заставляли убранство дома каннибала отбрасывать зловещие тени.

Император принимал гостей в своем дворце. От пышных празднеств было решено отказаться, и в качестве приглашенных числились лишь консулы. Сатор уже не мог с уверенностью сказать, кому из придворных он может доверять, и справедливо опасался переворота. Именно по этой причине число гостей было сведено к минимуму. По крайней мере, среди них император мог ясно определить, кто поддерживает его, а кто излучает опасность.

С момента установления империи у нее всегда было четыре консула, каждый из которых отвечал за свой сектор владений. В результате неожиданных падений и возвышений консула Клетиса их стало пятеро, но Севериан все еще находился на защите своего рубежа. Одаренный честью подняться на Башню бури имперец явился в сопровождении своей царицы и следующего за ней повсюду Чаар-Тоа-Вал-Готэ.

Последним к праздничному столу прибыл Морус. Занятый расквартировкой своих легионов, защитник восточной стены едва успел переодеться в подобающие торжественному случаю одеяния. Клетис до последнего переживал, что его старый друг мог предать и доложить императору о заговоре.

Расторопные эльфы мастерски прислуживали за столом. Четверо телохранителей императора подпирали спинами окружавшие застолье колонны. Это были опытные воины, выращенные для выполнения одной единственной задачи – отдать жизнь за императора. Реши Сатор вырезать все их семьи прямо у них на глазах, они бы приняли это безропотно.

Император сидел во главе стола. Кассия на празднестве отсутствовала, сославшись на недомогание, вызванное беременностью. По всем правилам этикета Сатор принес консулу извинения за то, что супруга не сможет чествовать героя империи вместе со всеми.

В связи с отсутствием императрицы место напротив Сатора заняла Чаар. За ее спиной привычно зависла фигура Чаар-Тоа-Вал-Готэ. Четверо консулов заняли места между ними, распределившись по двое с каждой стороны. Ответственные за север и юг империи братья Креон и Тимеус расположились напротив заговорщиков. Род двух полярных консулов был широко почитаем в народе, и Клетис испытывал к ним глубокое уважение. Он сожалел о том, какую судьбу им уготовил.

Клетис не удержался и задержал свой взгляд на том, как трудолюбивые эльфы разливают в кубки Сатора и обоих сидящих напротив консулов вино, пропитанное ядом. Чаар пришлось незаметно ущипнуть его за колено, чтобы заставить перевести взгляд. Сами заговорщики испили нейтрализующий действие яда отвар еще полчаса назад.

– Сегодня мы вновь чествуем не только героя империи, но и наше единение. Не часто большинство из тех, кто взял на себя бремя правления, сидят за одним столом. К тому же с нами сейчас прекрасная Чаар, своим присутствием символизирующая долгожданный мир. Поднимем кубки за этот день. День, в который все мы объединились перед лицом невиданной прежде угрозы. – Император первым поднялся со своего места.

Все присутствующие последовали примеру Сатора, и зал заполнило эхо отодвигаемых кресел.

– За сегодняшний день! – самым последним едва слышно повторил Клетис призыв своего императора.

– Уже завтра мы бросим все наши силы на борьбу с хаосом. – Сатор вернулся в своё кресло.

Императрица планировала распорядиться приготовить ванну, когда необычный шум, доносящийся из-за дверей спальни, привлек ее внимание. Сатор приказал ей оставаться у себя, чтобы не беспокоить государственными делами. Кассия знала, что муж вдвое усилил ее охрану, и все же сердце невольно забилось гораздо быстрее. Она тщательно прислушивалась к каждому шороху, пока не смогла различить звуки ударов стали о сталь. Кассия моментально бросилась к стойке, на которой были выставлены клинки Сатора, подаренные императору его подданными.

Обнажив меч, она вновь начала прислушиваться. Звук падающего тела не оставил сомнений в том, что за дверью творится нечто ужасное, а ее опасения имеют под собой весьма веские основания. Несколько бесконечных секунд стояла полная тишина, после чего сильный удар заставил двери распахнуться.

В спальню императрицы ворвался Хорив в окружении других существ роя из той сотни, что сопровождала царицу в ее дипломатической миссии. Ничего не понимающий величественный взгляд Кассии быстро наполнился ужасом. Вытянув перед собой меч, она рванулась к стоящему на столе колокольчику. В ответ на пронзительный продолжительный звон никто не пришел. В коридоре в луже крови лежало тело ее личного телохранителя.

Хорив обнажил эльфийские клинки, которые накануне вечером были подарены ему Чаар. Царица решила, что, если предстоит пролиться императорской крови, сделать это должны именно изящные мечи ее матери. Древний боролся до последнего, но природная власть его царицы была сильнее. Утларг молча направился в сторону своей жертвы. Стоило отдать Кассии должное. Осознав, что оказалась в смертельной ловушке и рассчитывать остается только на себя, она не дрогнула.

Взгляд ее быстро сфокусировался на главной угрозе, а сжимающая меч рука перестала дрожать. Ради Сатора она должна была сделать все, чтобы защитить себя и их наследника. Будучи женой императора, Кассия знала, что рано или поздно подобный момент может настать,

и потому провела не один год, изнуряя свое тело тяжелыми тренировками. Едва отбив первый выпад Хорива, она тут же бросилась в контратаку.

Утларг был удивлен и расстроен неожиданным мастерством своего противника. Он знал, что рано или поздно победит, а каждая дополнительная секунда схватки приносила ему невероятную боль. Ему хотелось как можно скорее оборвать жизнь императрицы, чтобы покончить с терзающими их обоих муками. Если бы он только мог, он обязательно покончил бы с собой, сохранив ей жизнь.

Клинки Хорива остановились только после десятого удара. Тело так и не подарившей своему императору наследника Кассии осталось у утларга на руках. Казалось, что ее кровь проникает в его собственную плоть. Красные пятна навсегда вьелись в расстеленный под ними ковер. Хорив хотел закричать так, чтобы его грудную клетку разорвало, но не смог даже этого.

– Совместная мощь империи и роя подарит нам великую победу, о которой барды сложат десятки песен, – продолжал Сатор.

Консулы Креон и Тимеус вновь подняли свои кубки. Чаар снова незаметно положила руку на колено Клетиса. Это был условный знак, говорящий о том, что императрица мертва и откладывать больше нельзя. Рано или поздно о случившемся узнают во дворце, и тогда инициатива может перейти не в те руки.

– Да здравствует император! – Клетис тоже поднял кубок, что являлось условным знаком и для Моруса.

– Я рад, что мы забыли о былых недопониманиях, мой старый друг, – император доброжелательно улыбнулся.

– Я говорил не о тебе, Сатор. Твое правление подошло к концу. – Консул спокойно выдержал опустившийся на него взгляд.

– Ты забываешься, Клетис! – вскочил со своего места Тимеус.

– Я не разговариваю с покойниками, – Клетис перевел взгляд с поднявшегося консула на императора.

– Стража! – громоподобный голос Сатора отразился от стен огромного зала.

Вопреки ожиданиям, император не услышал топота солдатских ног. Во дворце стояла та же тишина, что и прежде. Покрасневший от возмущения Тимеус потянулся к висящему на спинке кресла тубусу с оружием, но, сглотнув, замер, уперев руки в стол. Консул издал протяжный стон, и когда его лицо склонилось над богато уставленным столом, наружу прорвалась кровь.

– Жалкий предатель! – гневно воскликнул Креон, моментально сложивший один к одному и осознавший, что произошло и что за этим последует.

Он вскочил со своего места, разрываясь между желанием помочь брату и убить Клетиса прямо на месте. В следующий момент он уже повторил судьбу Тимеуса. Клетис не знал, что в людях может быть так много крови. Она все продолжала и продолжала литься из их ртов. Праздничный стол превратился в настоящее месиво. Консулы еще немного побились в конвульсиях, прежде чем испустить последний дух.

– Скоро наступит и твоя очередь, – Клетис обращался к императору, которому, по его расчетам, оставалось совсем немного.

– Не думал, что ты осмелишься пойти на такие меры. Тем более не ожидал этого от тебя, Морус. Мне казалось, что из нас ты всегда был самым рациональным, – Сатор щелкнул пальцами призывая телохранителей заняться своей работой.

– Не спешите. Ваш повелитель сейчас умрет. Нет необходимости погибать ради мертвеца, – консул так и не встал со своего места, а уверенность в его голосе заставила телохранителей остановиться.

– Убьешь меня. А что дальше, Клетис? Думаешь, сможешь справиться с империей лучше меня? Да подавись ты своей властью. Отпусти меня и мою семью, и я не буду чинить тебе преград.

– У тебя больше нет семьи, – консулу было непросто произнести эти слова, тем более когда он увидел, какую искреннюю боль эти слова принесли Сатору.

Клетис чувствовал себя отвратно и ненавидел себя в этот момент. Ему было проще убить конкурента, чем ранить его подобным образом. Император не сразу смог заговорить вновь. Консул видел, как на его дрожащем лице появились едва заметные слезы. Чаар стало не по себе: яд уже должен был подействовать, какой бы сильный иммунитет ни был у имперца.

– Я хочу, чтобы ты понял. Когда-то точно так же придут и за тобой. Надеюсь, в этот день ты вспомнишь меня. Если бы ты подготовился лучше, то знал, что я давно не пью чужого вина. – Сатор откупорил тубус и выпустил молнию на волю.

Телохранители сорвались со своих мест. Не ожидавшие такого поворота событий мятежники тоже выхватили свое стихийное оружие. Морус едва успел отразить удар своего императора. Волна силы заставила его упасть со стула. Перекатившись, он тут же вскочил на ноги и приготовился биться за свою жизнь.

Чаар вскочила с кресла, уронив его на пол. Высокие двери тронного зала распахнулись, и в него ворвался Хорив в окружении нескольких десятков подчиненных Чаар. Зал озарил свет молний. Клетис и Чаар-Тоа-Вал-Готэ сдерживали телохранителей, чтобы выиграть время для подоспевшей подмоги.

Морус вынужден был вступить с Сатором в бой один на один. Гнев придал императору сил. Из его фантомного меча выскакивали молнии поменьше и разбивали обшивку попадавших на пути колон. Не желая рисковать своей жизнью, Чаар поспешила укрыться подальше. Ей совсем не хотелось оказаться поджаренной в тот самый момент, когда все наконец пошло по ее плану.

Как бы ни были опытны телохранители императора, царица взяла с собой в столицу лучших из лучших. Защитники Сатора умирали, продавая свою жизнь за две или даже три, в бою с превосходящим противником. Заставив Моруса отступить, Сатор окинул зал взглядом, чтобы оценить ситуацию, и моментально осознал, что проиграл. Ему очень хотелось броситься прямо на меч предавшего его консула и поскорее покончить с раздирающей его болью утраты.

С другой стороны, он жаждал мести и не мог позволить Клетису остаться безнаказанным. Рука императора взмыла вверх, запуская молнию прямым в каменный свод дворца. Лишенная контроля молния рассыпалась на множество маленьких молний, врезавшихся в потолок. Раздался оглушительный грохот, и тяжелые валуны вперемешку с мелкими осколками начали падать прямым на головы заговорщиков.

Клетис ухватил Моруса и заставил того сделать несколько шагов назад. В противном случае героический защитник восточной стены рисковал оставить после себя лишь кровавое пятно. Неожиданный обвал на время отделил Сатора от нападавших на него убийц. Оббежав свой трон, он выбрался на балкон.

Взобравшись на парапет, он заглянул вниз, где на террасе под стенами дворца был высажен красивый лес. Прыгать было настоящим самоубийством, но и оставаться здесь означало продать свою жизнь за бесценок. Клетис и Морус уже перебирались через завалы, а Сатор был безоружен. Раскинув руки, он сделал шаг вперед.

Клетис опоздал лишь на секунду. Консул уже намеревался повторить прыжок императора, но Морус схватил его за руку. Внизу послышался хруст веток, столкнувшихся с падающим телом.

– Я рисковал всем не для того, чтобы мой новый император сломал себе шею в первый же день своего правления, – призвал он друга к здравому смыслу.

– Скажи остальным, чтобы начинали. Распорядись перекрыть все выходы с линий Публия и Аквиния, – отдал быстрый приказ Клетис.

Морус кивнул, радуясь тому, что его повелитель не отдался на волю эмоций. К ним уже подоспели остальные заговорщики. Из посторонних в зале оставались лишь безучастные эльфы. Упавший с потолка осколок пробил голову одному из слуг, но его стоящий рядом собрат даже не вздрогнул.

– Приберите здесь все. От эльфов избавьтесь. Все должно выглядеть так, как мы договаривались, – сказал Клетис, обращаясь к Чаар.

Хорив и остальные уже ввели в зал дюжину ялгов. Так и не сняв с их голов мешки, они умертвили их разнообразными способами. Тела оставшихся ялгов сейчас лежали в коридорах дворцов и личных покоях императрицы. Все должно было выглядеть так, словно заговор с целью покушения устроили именно они.

Этим шагом Клетис надеялся убить сразу двух зайцев. Консул прекрасно понимал, что ялги никогда не простят ему предательскую гибель своего легиона. Выставив их виновными и изгнав из столицы, он ставил своей целью запугать их. Настолько, чтобы у них и мысли не было высовывать свои ящериобразные морды и раскрывать пасти. Зворги и дарнау с радостью и без лишних вопросов поделят освобожденные земли на третьем уровне города.

Сам Клетис в сопровождении Чаар и ее воинов устремился вниз, надеясь обнаружить изуродованное тело императора. Место падения они разыскали быстро даже в крошечной темноте. Рой прекрасно ориентировался в ночи. Хорив опустился на колено около одного из деревьев и окунул пальцы в лужу крови. Беглец выжил, но после такого падения вряд ли мог далеко уйти.

– Я хочу, чтобы ты нашла его. До рассвета. Иначе нам несдобровать. – Консул крепко сжал кисть царицы.

– Не переживай, он уже должен быть почти мертвецом. Мои слуги найдут его. Его голова станет моим подарком на твою коронацию, – оскалилась Чаар.

Сломавший несколько ребер и сильно повредивший ногу император выбрался из окружавшего дворец леса. Вдалеке он увидел патрульного, но не был уверен, может ли ему доверять. Сатор решил не рисковать. Подкравшись, он одним резким движением свернул тому шею. Чтобы не выделяться, император переоделся в его одежды, взял короткий имперский меч, а тело спрятал в кустах. Притворившись рядовым жителем центра Корпакса, беглец благополучно покинул имперский квартал.

Дверь трактира «Эльфийская песнь» открыл тот самый ялг, что остановил мистера Мерфи на площади. Последние полчаса аурлиеца наблюдал через окно соседней таверны, как в дом один за другим входят ящеры. Ялг пропустил Эйдена вперед, и тот исчез в мраке помещения.

Днем аурлийцу удалось выяснить, что трактир был закрыт за контрабанду. То, что не конфисковали при аресте, обворовали мародеры. В зале стояла полная тьма, но свечи не зажигали осознанно. Потребовалось время, чтобы глаза привыкли к темноте. Всего Эйден насчитал десять силуэтов.

– Мое имя Бадру, – представился уже знакомый аурлийцу ялг.

– Эйден. Я так понимаю, у нас общая цель? – У аурлийца не было никакого желания откладывать обсуждение, ставшее единственной причиной его визита.

– Если ты хочешь убить Клетиса, то да, – ответил ялг, которого звали Одит.

– Откуда такая нелюбовь к надежде империи? – спросил мистер Мерфи.

– Наши отцы погибли при его отступлении. Весь легион. Гордость нашего народа, – оскалился ялг по имени Ликет.

– Я был свидетелем их гибели. Их жертва позволила спастись остальным, – проговорил Эйден.

– Они встретили достойную смерть, но не по своей воле. Консул должен ответить перед нами за содеянное, – сказал Бадру.

– Что вы предлагаете?

– Глупо пытаться убить Клетиса в столице. Здесь он слишком хорошо защищен. Завтра войска должны начать свой марш на запад. Мы сможем подобраться к нему только в полевом лагере, – Ликет настолько разошелся, что даже ударил кулаком по столу.

На улице послышался какой-то шум. Посланные с линии Публия глашатаи возвещали ужасную весть об убийстве императора. Виновными в содеянном преступлении, по официальной версии, выступали исключительно ялги. Отныне их народ был признан вне закона и подлежал изгнанию из столицы. Голос призывал всех законопослушных граждан огнем и мечом искоренять скверну предательства. Заговорщики переглянулись, во взглядах их смешались гнев и ужас.

– Кажется, тебе не следовало останавливать меня тогда, на площади. Кто знает, я мог бы стать спасителем вашего народа, – полупечально, полухидно улыбнулся аурлиец.

Подойдя к двери, Эйден отчетливо расслышал голос хозяина трактира напротив. Тот сообщал патрулю лантов о том, что видел, как в «Эльфийскую песнь» входили подозрительные личности, вне всяких сомнений принадлежащие к народу ялгов.

Глава 6.

Ночь кровавой луны

С момента произошедших во дворце событий не прошло и двух часов, когда Га-либ почувствовал волнение. Первые отзвуки приближающейся волны хаоса еще не достигли его дома, а он уже понял, что эта ночь принесет его богине небывалое подношение. Отодвинув шторы, он увидел, как следившие за домом ланты перешли к активным действиям. Воспользовавшись ожидаемыми беспорядками, консул предусмотрительно решил разом позаботиться обо всех своих недоброжелателях. Лояльные ему начальники кварталов заранее получили соответствующие распоряжения и только и ждали сигнала.

Монстр знал, что рано или поздно его дому придется выдерживать осаду, и потому предусмотрительно разложил оружие практически в каждой комнате своего особняка. Приготовленный отвар уже начал действовать, и головная боль отступила на задний план, а разум очистился от жутких видений. Каннибал молча ходил по дому и хладнокровно задувал свечи, готовясь к приходу гостей.

– Пришло время платить за свои грехи, Га-либ, – раздался в темноте улицы голос Дженаба.

– Входите, если не боитесь, – рассмеялся монстр, заряжая арбалет и усаживаясь в дальнем конце коридора, смотрящего на входную дверь.

Каннибал следил, как поворачивается дверная ручка. Лунный свет очертил силуэт первого из лантов. Га-либ спустил арбалетный болт. Снаряд угодил прямоком в глазницу незваного гостя. По инерции тот дернулся назад и, упав на спину, покатился по лестнице. За дверью послышался звук покидающих ножны клинков.

– Обойдите дом, – послышался командный голос Дженаба.

Хозяин скрылся в темноте. Его дом был похож на настоящий лабиринт. Множество мелких комнат и узких коридоров. Сложенное копье висело на поясе, в руках были два кинжала. Га-либ знал каждую деталь своего особняка. Он жил в нем так давно, что мог безошибочно определить, какая из половиц скрипит в конкретный момент. Раздался звук бьющегося стекла. Монстр слушал, как в его жилище проникают чужаки.

– Выходите. Вы все арестованы по приказу временного совета! – крикнул Дженаб от входа, даже не пытаясь сделать вид, что надеется на то, что кто-то действительно пожелает сдаться.

Стало быть, план Клетиса приведен в исполнение и веки императора закрылись навсегда, – Га-либ тяжело вздохнул, предвкушая те потрясения, что за этим последуют.

Ланты разделились, блуждая в темноте. Первого он поймал в одной из гостевых спален. Зажав стражнику рот рукой, Га-либ воткнул кинжал в его шею. Тело он аккуратно уложил на пол. Все это произошло без малейшего шороха. Покинув спальню, он увидел в едва освещенном коридоре другой силуэт. Полет кинжала оборвал жизнь еще одного ланта.

Остальные сбежались на шум падения. Каннибал поймал последнего из них и, прижав к стене, нанес шесть быстрых ударов. Послышался звук очередного разбитого окна. Легкий скрип двери возвестил о том, что главный вход тоже под контролем лантов. Врагов теперь можно было ожидать как минимум с трех сторон.

– Разбейте окна и откройте шторы, нам нужно больше света, – пробасил Дженаб.

В гостиной Га-либ нашел еще двух гостей. Схватив висящий на стене топорик, он метнул его в сердце врага. Моментально погибнув, тот бесшумно осел в стоявшее позади него кресло. На шею другого монстр накиннул петлю и, потянув за другой конец заранее закреплен-

ной веревки, подвесил его в воздухе. Растерявшись, лант выронил меч, утратив свою последнюю надежду на спасение.

Шум привлек внимание остальных. Не отпуская свою жертву, Га-либ снял с пояса копье и одним движением заставил его принять необходимую форму. Каннибал терпеливо ждал определенного скрипа. Получив сигнал, он метнул копье в стену. Острие копья легко пробило хрупкую преграду и вошло в живот пробирающегося за ней ланта. Раздался крик боли, заставивший следовавших за ним товарищей поубавить свою прыть.

Га-либ быстро привязал веревку к металлической решетке камина. Подойдя к столу, он взял прикрепленный к его нижней части меч. Он едва успел прижаться к стене, как в проходе появилось двое противников. Ланты с ужасом уставились на корчащегося в судорогах товарища, тщетно пытающегося дотянуться носками сапог до пола.

Воспользовавшись преимуществом, монстр срубил голову ближайшего воина и вцепился в шею второго своими острыми, как сталь, зубами. Вырвав часть плоти, он сплюнул ее на деревянное покрытие.

На счету хозяина дома было восемь жертв. Оставалось меньше половины, но рисковать было не в его характере, поэтому он покинул гостиную до появления остальных. Ему повезло. В дальних комнатах он увидел заблудившегося и напуганного ланта. Тонкая полоса гарроты, оборвала его жизнь.

– Дерись как мужчина, Га-либ! – не выдержал глава лантов и со злости перевернул стол.

– Ты будешь последним, Дженаб, – не удержался от ответа хозяин.

Вторгнувшиеся в чужие владения гости теперь старались быть рядом друг с другом. Они уже начали понимать, что несмотря на их численное преимущество, хозяином положения все же является владелец дома. Га-либ был в своем царстве. Его и гостиную разделяла тонкая стена. Сквозь мнимую преграду он чувствовал, как страх начинает переполнять его врагов.

Знакомый скрип – и, появившись из темноты, он перерезал горло стоявшего перед ним ланта, а затем тут же вновь исчез за своим укрытием. Споткнувшись о мертвое тело, он допустил ошибку и оступился. Скрип выдал его нахождение. Дженаб ударил мечом в стену, клинок вошел под ребра Га-либа. Вернув меч обратно, лант коснулся пальцами острия, чтобы убедиться, что на нем кровь.

– Ты такой же смертный, как и все остальные, – рассмеялся Дженаб и махнул оставшейся четверке, давая знак преследовать хозяина дома.

Бросившиеся в погоню ланты никого не обнаружили. Растопыривший руки и ноги монстр завис под потолком, упираясь в стены. Один из лантов поднял голову, когда на его лицо упала капля крови. Наверху он увидел оскаливающуюся, ужасную смерть. Спрыгнувший монстр откусил несчастному пол-лица, заставив того биться в конвульсиях, сея неразбериху в рядах своих товарищей.

Голой рукой Га-либ ухватился за кадык другого и вырвал его, даже не поморщившись. Вторая рука острыми когтями вцепилась в брюхо следующего, в ту его часть, где располагалась печень. Слышавший крики через стену Дженаб в панике принялся раз за разом протыкать стену мечом. В какой-то момент он даже помог противнику, собственноручно зарубив последнего из своих подчиненных.

Дженаб боялся пошевелиться до тех пор, пока не стихли крики. Медленно, стараясь не издавать лишних звуков, он вышел в коридор. Жуткий тоннель вселял ужас. Стены были забрызганы кровью, на полу лежали тела его подчиненных, один из которых все еще продолжал дергаться, но было ясно, что тот доживает свои последние мгновения. В самом конце коридора виднелся спуск в подвал. На ступенях блуждали тени от света свечей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.